Рассказы

Автор:
Данияр Сугралинов

Рассказы

Данияр Саматович Сугралинов

«Отмазка: на этих рассказиках я учился писать. Здесь все они, написанные с двадцати трех лет. Что-то навеяно бандитскими девяностыми, что-то – тем трэшем, которым была наша жизнь.

Важно! Встречаются откровенные 18+! Обсценная лексика, откровенные сцены, насилие. Я предупредил!

Что там дальше? А дальше больше полусотни сетевых рассказов, написанных с начала нулевых по сегодня. Каждый – маленький срез жизни, одна картинка из миллиарда историй постсоветского общества. Как и в русский алфавит, в книгу прокрались несколько «недобукв»: твёрдый и мягкий знаки, «и краткое». Но не только: весёлыми и полуреальными, а то и вовсе фантастическими, подчас хулиганскими, – такими оказались некоторые страницы сборника.

Все эти истории и зарисовки выкладывались в сети на различных литературных площадках. Я их немного перемешал, то есть они размещены не в порядке написания. Под каждым рассказом указан год, когда текст родился. Все они написаны в один присест…»

Данияр Сугралинов

Рассказы

Сборник рассказов

От автора

Отмазка: на этих рассказиках я учился писать. Здесь все они, написанные с двадцати трех лет. Что-то навеяно бандитскими девяностыми, что-то – тем трэшем, которым была наша жизнь.

Важно! Встречаются откровенные 18+! Обсценная лексика, откровенные сцены, насилие. Я предупредил!

Что там дальше? А дальше больше полусотни сетевых рассказов, написанных с начала нулевых по сегодня. Каждый – маленький срез жизни, одна картинка из миллиарда историй постсоветского общества. Как и в русский алфавит, в книгу прокрались несколько «недобукв»: твёрдый и мягкий знаки, «и краткое». Но не только: весёлыми и полуреальными, а то и вовсе фантастическими, подчас хулиганскими, – такими оказались некоторые страницы сборника.

Все эти истории и зарисовки выкладывались в сети на различных литературных площадках. Я их немного перемешал, то есть они размещены не в порядке написания. Под каждым рассказом указан год, когда текст родился. Все они написаны в один присест.

Кстати, рассказ «А хули?», по свидетельствам очевидцев, вслух зачитывал редактор одного крупного питерского издательства, громко при этом смеясь и приговаривая: «Вот она, блядь, русская литература!». Сразу после этого мне прислали договор на издание книги, а потом редактор ушел в запой и не вернулся.

Для меня всегда было важно донести до читателя идею, которая и мне самому не давала покоя. И не просто дать пищу для размышлений, а ткнуть носом в прописную истину, которую все знают, но никто всерьёз не воспринимает. Удалось ли мне это, решать вам.

Яблоко раздора

А началось все из-за годовых бонусов. Собрала нас Ираида Эребовна, наш финансовый директор, и говорит, что, мол, кризис, ребята, пора затянуть пояса потуже, никаких тринадцатых зарплат. Мы взвыли, потому что многие не просто надеялись на годовые бонусы, но и успели их потратить. Кто-то путевку уже взял, кто-то ремонт под Новый год затеял, не суть. А только без бонусов этих можно вешаться, к гадалке не ходи.

Ребята из службы безопасности в лице Афиногена Арсентьевича возмущались больше всех.

– Ты, Ираида Эребовна, горячку-то не пори! – стукнул кулаком по столу главный безопасник. – Чай не бедствуем: тендера выигрываем, пилим, как стахановцы, без продыху.

– Да что вы такое говорите! – возмутилась финдирша. – Мы на равных основаниях участвуем в государственных закупках с прочими потенциальными поставщиками! И вам ли не знать с вашими друзьями-собутыльниками министерскими, что у всех наших заказчиков прошло секвестирование бюджета?

Коварно заулыбалась Венера Велхановна, сделавшая головокружительную карьеру от секретаря шефа до руководителя отдела кадров.

– Себя-то небось не обделили, а? – подмигнула она Ираиде Эребовне. – Насыпали бонусов своему финотделу?

– Прекратите этот бардак немедленно! – взвилась финдирша.

– Это вы бардак развели! – прекрасная в своем праведном гневе, Венера Велхановна даже топнула каблучком по полу. – План выполнен? Выполнен! Шеф доволен? Доволен! Так нечего за наш счет улучшать свои показатели!

На минуту все затихло. Ираида Эребовна вздохнула и посмотрела на ведущего юриста компании:

– Хоть вы-то поддержите меня, Ольга Львовна.

Та, как всегда невозмутимо, ответила:

– Вы, конечно, правы, Ираида Эребовна. Кризис, девальвация, секвестирование… Это все понятно. Но я не думаю, что юридический департамент должен страдать. Мы-то свою работу делаем – тендера выигрываем, договора готовим. Да и потом, одно дело, если бы вы объявили о том, что годовых бонусов не будет в начале года, и совсем другое – когда вы сообщаете об этом накануне Нового года. Нет, я не могу вас поддержать. Как мне потом смотреть в глаза своих сотрудников?

Афиноген Арсентьевич украдкой показал юристу большой палец. Заметив это, Ираида Эребовна вытащила на стол приказ и озвучила вердикт.

– Довожу до вашего сведения, что положение о годовых бонусах утверждено генеральным директором. Вознаграждение получит, цитирую, «лучшее подразделение компании». Приказ подписан и обсуждению не подлежит.

* * *

Сразу после совещания я пошел во внутренний дворик офиса. Именно там в рабочее время я встречался со своей девушкой Аней из колл-центра. Я только успел приобнять ее, как меня бесцеремонно прервал и отозвал в сторонку безопасник, пошептаться. Портить с ним отношения не хотелось, и я послушно отошел с ним.

– Борис, послушай меня. Ты уж извини, я речи говорить не мастак, скажу как есть. Определять лучшее подразделение шеф будет по тем выкладкам, что ты ему дашь. Все эти «коэффициенты эффективности», «индекс вклада» и прочие кипиай. Сделай красиво, а? А мы – я тебе отвечаю – в любой сложный момент прискачем к тебе, как чапаевская конница, разрулим любой конфликт, стрелку там, еще что. Без бэ, братишка, мало ли что? Поведешь девушку в кино, а там хулиганы. Один звонок и мы рядом, всех порвем, разметаем, кишки по асфальту размажем!

От столь неожиданного предложения я слегка растерялся.

– Очень заманчиво, Афиноген Арсентьевич, – промямлил я. – Я ничего не обещаю, но, сами посудите. Денег вы в компанию не приносите, в производство – опять же никакого вклада. Не представляю себе, как сделать то, о чем вы меня

просите…

– И эти мегеры тут! – перебил безопасник.

Я оглянулся. За нами внимательно наблюдали Ольга Львовна и Венера Велхановна. Подтянутые, с аппетитными формами, на шпильках, обе выглядели шикарно. Вот только взгляды их не обещали ничего хорошего. Венера Велхановна, сузив глаза, затянулась сигаретой и поманила меня изящным наманикюренным пальчиком:

– Примаков! Будь так добр, подойди. Не заставляй дам ждать.

– «Дамы», блядь! – выматерился безопасник. – Учти, Примаков, со мной лучше дружить, понял? Че вылупился, иди к «дамам».

И я пошел к дамам. Они нервно курили, сверля меня глазами. Велхановна вульгарно сплюнула и поинтересовалась, чего хотел безопасник.

– Да так, помочь кое с чем.

– Да и бог с ним, – протянула Венера и улыбнулась, заметив, как я старательно смотрю ей в глаза, изо всех сил стараясь не опускать взгляд. Внушающие уважение округлости и не самое скромное декольте делали мою задачу не такой уж простой.

– Боренька, дорогой, – проникновенно зашептала она. – Мы же все знаем, что именно ты готовишь для шефа все выкладки. Ну будь умничкой, напиши что эйчары самые лучшие! Я в долгу не останусь!

– И юристы, – вставила доселе молчавшая Ольга Львовна. – Подумай хорошо, Примаков. Я сейчас работаю над новой структурой. Могу под тебя целый аналитический департамент выделить. А это – статус топ-менеджера и все, что с этим связано! Личный водитель, отдельный кабинет, секретарша…

– Точняк, – закуривая новую сигарету, подтвердила Венера. – Отдел кадров выдаст служебку о твоем соответствии по позиции, будешь как сыр в масле! Приличный оклад, соцпакет, подчиненные, в фитнес будем вместе ездить! И

потом, я тебе такую секретаршу из «Спарты» заханчу, мама не горюй! Она конкурс красоты выигрывала!

– Г-хм, – сказал я. – У меня уже есть девушка… Анечка… Да и потом, девчата, в приказе ясно написано – вознаграждение только для одного подразделения.

«Девчата» задумались. Без взаимодействия этих двух отделов не видать мне обещанного. Венера вдруг встрепенулась, обняла меня и жарко зашептала в ухо:

– Слушай, Боренька, как бы то ни было, с Ленкой из «Спарты» я тебя познакомлю…

* * *

Годовой бонус получили кадровики. Я искренне пытался взвесить все плюсы и минусы предложений коллег, даже провел SWOT-анализ, но сердцу не прикажешь. Венера выслала фотографии Елены из «Спарты», и это решило все.

Предложение безопасников я откинул почти сразу, уж больно оно было неконкретным. Вилами по воде писано, понадобятся ли мне их услуги, учитывая мою осторожность и предусмотрительность. Да и не факт, что все будет так, как обещал Афиноген Арсентьевич. Получил бы он свой бонус, удачно прогулял, а потом ищи-свищи его, когда нужен будет.

Кресло главы нового департамента я так и так получу, решил я. Организация новых подразделений компании – это, в любом случае, не прерогатива юристов, что бы они там о себе не думали. И раз уж заговорила Ольга Львовна об этом, значит наверху решение уже принято, а юристы просто прописывают инструкции и должностные обязанности.

Так что выбор был очевиден. Протекция бывшей (а бывшей ли?) любовницы шефа Венеры и знакомство с прекрасной Еленой – лучшее из всего предложенного, да и SWOT-анализ это доказал.

Афиноген Арсентьевич, Ольга Львовна и Венера Велхановна после всего этого вдрызг рассорились, но мне было все равно. К этому моменту я уже был безнадежно влюблен в Леночку, она ответила взаимностью, и весна в моем

сердце наступила уже в январе.

Вот только ни к чему хорошему это не привело.

На Лену имел виды ее начальник, глава «Спарты». И, узнав, кто увел его девушку (во всех смыслах – мы с Леной стали встречаться, и она перешла на работу к нам в «Трою»), объявил нам войну. Мало того, он еще и всех конкурентов подговорил.

Но это уже совсем другая история.

2015

На одном поле

«Я с тобой на одном поле срать не сяду, дебил!» – частенько говорил Георгий Христофорович. А говорил он это коллегам, начальству, подчиненным, соседям, пассажирам в автобусе, продавщицам в магазинах, ларьках и прочих торговых центрах, билетерам в кино и таксистам, дальним родственникам и близким, врачам в поликлинике и гаишникам на дорогах, в общем, всем тем, кто, так или иначе, отравлял Георгию Христофоровичу жизнь. Христофорович, кстати, – это фамилия.

А жизнь ему отравляли все, кто не соглашался с ним в чем-либо, имел отличное от его – правильного – мнение, или не спешил удовлетворить сиюминутные потребности Георгия Христофоровича.

Так что к тому моменту, когда он открыл для себя интернет, срать на одном поле он не сел бы уже с половиной их небольшого степного города.

В интернете дебилов оказалось еще больше, чем в городке. Они хамили, нецензурно выражались, и вообще, изощренно делали дебила из самого Георгия Христофоровича, с чем он категорически не соглашался, сражая наповал – шах и мат! – оппонентов своим любимым «срать не сяду на одном поле». Это была его

максимальная степень презрения к этим дебилам – жалким ничтожным личностям.

Но случился и на его улице праздник – познакомился он в интернете с хорошей девушкой, умницей и красавицей. Она во всем соглашалась с ним, и – о, фортуна! – оказалась с ним из одного города. Он долго собирался с духом и пригласил ее пообедать в шашлычную. В выходной.

Естественно, она согласилась, еще бы, это же был сам Христофорович Георгий.

Он хорошо подготовился. Костюм, галстук, белая рубашка, лакированные туфли, чистые трусы, новые неношеные носки. Ремень от Hugo Buzz! Побрился! В бумажник вложил пачку презервативов, во внутренний нагрудный карман – «Мезим», для желудка незаменим.

Он пришел заранее, сделал заказ – четыре больших порции шашлыка, овощи, квашенная капуста, соленые огурцы, салат «Оливье» и «Под шубой», графин ледяной водки и томатный сок. Она придет – а все уже готово! Королевский стол получился в его понимании.

Она пришла вовремя. Молчаливая, с нежной улыбкой и в белом платьице. Внимала ему, отказалась от шашлыка из свинины, попросила воды без газа. А он, не пережевывая, давился шашлыком (жалко, пропадет же, а счет на все выставят!), огурцами, салатами, пил водку, быстро пьянея, и рассказывал ей о себе.

Она смеялась, когда он шутил, а шутил он много и злобно про всех этих дебилов, и как ловко он их сбривал и подрезал.

Потом она предложили покататься – она за рулем – он обрадованно согласился, восприняв предложение, как намек на продолжение вечера, и с энтузиазмом похлопал себя по груди, подмигнув – у него все с собой. Перед выходом он не забыл принять «Мезим» для лучшего пищеварения.

Она вырулила за город. Под эмоциональный монолог Христофоровича незаметно пролетела пара десятков километров по трассе. Он начал было засыпать, но сменившийся ритм движения разбудил его – осторожно притормаживая, она съехала на проселочную.

Машина помчалась по бескрайней степи, оставляя за собой пыльный шлейф, а он упивался моментом, разглядывая ее загорелые коленки, и выбирал момент, чтобы потрогать.

Наконец она остановилась, заглушила машину и предложила выйти, прогуляться.

Лето заканчивалось, но степь все еще жила полной жизнью, хоть и сменила окраску с сочно-зеленой на ярко-желтую. Он стоял, закрыв глаза и глубоко вдыхая дух степных трав, трезвея, когда услышал звук захлопнувшейся двери и отъезжающей машины.

Она уехала.

Ничего не понимая, он огляделся. Не считая ее удаляющейся машины в облаке пыли, вокруг была степь. Ни деревца. Ни направлений. Только легкий след протектора шин, терявшийся в сумерках.

Быстро стемнело.

Побродив по степи, Георгий Христофорович понял, что заблудился. Решив переждать ночь, он расстелил пиджак и лег спать.

Ночь была беспокойной. Что-то вокруг шуршало, трещало, цокотало. Под утро стало невыносимо холодно, и он впервые в жизни пожалел, что не курит и не носит при себе спичек. Очень хотелось пить. Не выходили из головы мысли о ней, так вероломно оставившей его. А вдруг он умрет? Нет, с ней он на одном поле срать не сядет, это точно. Никогда.

Он весь вымок в росе, – бегал по степи, пытаясь согреться. Беспокойно заворочался желудок.

Давление нарастало, и он стал искать, куда бы присесть. Найдя подходящее на его взгляд место, где ему не мешала бы высокая трава и засохшие стебли не-пойми-чего, он, как пес, покрутился на месте, и собрался присесть, но тут вдали показались движущиеся точки – пара автобусов и несколько автомобилей.

Быстро натянув штаны, он запрыгал на месте, размахивая руками и пытаясь кричать, проталкивая звуки через шершавое пересохшее горло.

Его увидели и подъехали. Из автобусов и машин высыпали какие-то люди, смутно показавшиеся ему знакомыми. Они окружили его, внимательно рассматривая и пересмеиваясь. Многие держали в руках телефоны, как будто снимая его на камеру. Один из них вышел чуть вперед, и Георгий Христофорович узнал его – злейший враг, сосед сверху.

– Ну что, Жора, мы на одном поле, – ухмыляясь, сказал сосед.

2016

Как папа уехал в командировку

Один раз папа уехал в командировку. Мне тогда было почти шесть лет, и я уже понимал, что папа вернется и обязательно привезет мне какую-нибудь игрушку. Это когда я был маленький, каждый раз думал, что папа не вернется. От этого мне становилось очень горько, я сильно переживал и даже собирал свои вещи, чтобы ехать с ним.

А в тот раз я был уже почти взрослый. Ну не такой взрослый, чтобы завязывать шнурки, конечно, но я уже все понимал. И хоть мне и было грустно, я знал, что надо просто потерпеть. А потом пройдет день-два, откроется дверь, и домой зайдет папа.

Значит, папа уехал, а мы с мамой остались. Мама погрустила-погрустила немного (она всегда грустила, когда папа уезжал), а потом к ней пришли тетя Ира с тетей Мариной, они выпили вина, и им стало весело.

Когда я приходил к ним на кухню за шоколадом, тетя Марина прижимала меня к груди, гладила по голове и приговаривала «Бедный мальчик». Я немного терпел, а потом вырывался, хватал шоколад и убегал к телевизору. Тетя Марина всегда была странная, но в тот вечер она совсем сошла с ума. То громко хохотала, то

плакала, постоянно пыталась обнять меня или маму.

Тетя Ира много курила. Я сказал ей, что курить надо на балконе, но мама сказала, что это не мое дело и отправила меня спать.

Я пошел спать, но от обиды долго не мог уснуть. Это было несправедливо, что мама запрещала папе курить даже на балконе, а тете Ире разрешала курить на кухне. Сначала я хотел все рассказать папе, когда он вернется, но потом решил, что это сделает меня ябедой.

«Ябеда-корябеда, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест!» – этой дразнилке меня научил папа. Я тогда взял у мальчика машинку поиграться, а тот побежал плакать и жаловаться своей маме. Та пришла, отругала и меня и моего папу, и тогда папа научил меня тому, что ябедничать – нехорошо.

Папа уехал в понедельник, а по субботам и воскресеньям мы всегда гуляли. «Валяли дурака», – говорил папа. Я тогда не представлял, что это за дурак такой, и как его валять, но делали мы это, как говорил папа, знатно.

По выходным мама много работала, а если не работала, выгоняла нас прочь из дома, чтобы мы не мешали ей убираться. Тайком от мамы мы ели вредную еду – всякие бургеры и картошку фри, мороженое, пили колу, смотрели фильмы в кинотеатре, гуляли в парке аттракционов или просто играли в детском городке. Я не помню, сколько мне было, когда это началось, но, сколько помню, так было всегда.

Когда я еще не разбирался в днях недели, каждое утро спрашивал: «Сегодня суббота?». Потом я понял, что если просыпаюсь сам, то сегодня суббота или воскресенье. А если меня будит мама, значит сегодня надо идти в садик.

Так вот, папа уехал в понедельник, когда я был в садике. Вечером мама забрала меня и отвезла домой, и папы еще не было. А потом пришли тетя Ира с тетей Мариной. Во вторник у мамы разболелась голова, и я остался дома. Мама лежала грустная-грустная, и я подходил к ней, прижимался и обнимал ее. В среду я снова пошел в садик, и вечером сразу же спросил у мамы, приехал ли папа. Но папа не приехал, и в четверг тоже. До субботы оставался всего один день, и я стал переживать, что если папа не приедет, то и гулять мне будет не с кем.

В пятницу папы тоже не было.

А в субботу он вернулся. Я сидел и возил ложкой в тарелке с кашей, когда мама сказала, что папа ждет меня во дворе. Я выглянул в окно, увидел его и закричал:

– Папа!

А он улыбнулся и махнул рукой, спускайся, мол.

– Мама, помоги одеться! – закричал я.

– Сначала кашу доешь. Живо!

С мамой не поспоришь. Я быстро доел кашу, одел приготовленную мамой одежду и побежал к папе.

Папа обнял меня, прижал к себе и стал нюхать мою голову. Не знаю, зачем он так делал.

Мы гуляли весь день. Смотрели кино про динозавров, ездили в парк развлечений, катались на картингах и каруселях, съели гору мороженого.

Потом мы поехали в магазин игрушек. Я старался быть спокойным, но мне не терпелось поскорее начать изучать витрины.

– Ну, беги! – улыбнулся папа. – Выбирай, что хочешь!

– Ура! – закричал я и побежал выбирать.

Я долго не мог выбрать, даже вспотел. Я брал то одно, то другое, ставил на место и возвращался к тому, что понравилось.

Вдруг у папы зазвонил телефон, он поговорил и стал меня торопить:

– Сынок, определяйся скорее! Мама говорит, что пора домой.

– Пап, я не знаю! – сказал я. – Я хотел взять конструктор, или гоночную трассу, или автомат. Если я возьму конструктор, то…

Я посмотрел на него и заметил, что папа грустный и совсем меня не слушает. Он молчал. Похоже, ему было не до меня. Я постоял еще немного, держа в руке и автомат, и гоночную трассу, и конструктор.

– А может машину? С управлением?

Но папа все равно не ответил. Он смотрел на свой телефон и о чем-то думал. Я постоял рядом. Вдруг папа сказал:

– Ну что, выбрал?

– Не хочется что-то, папа, – сказал я.

– Да брось, старичок! Ты чего?! Хочешь, все возьмем?

– Не хочется, пап.

Он не стал меня уговаривать. Крепко взяв мою руку, он повел меня на выход из магазина. Он шел так быстро, что я еле успевал за ним.

И мы поехали домой. Я задремал в машине, очнулся, когда папа передавал меня маме с рук на руки, и снова уснул.

Когда проснулся, мама сидела рядом и гладила меня.

– А где папа? – спросил я.

– Я здесь, сынок, – сказал папа.

У него было счастливое лицо.

2015

Всё будет…

– Андрюх, пойдём с нами? – предлагает Макс. – Посидим часок-другой, выпьем пива, футбол посмотрим.

– Да, Андрюш, – присоединяется Маринка, – пойдём! Идёшь? Да? Нет? Не знаешь?

Маринка берёт меня за руку, смотрит в глаза, улыбается. Да, Мариш, я тоже тебя хочу. А-а-а, как же хочется. Хочется посидеть с друзьями-коллегами, выпить пива, почувствовать, как тепло разливается по нутру, как становится проще и легче жить… А ещё больше хочется нормального общения.

– Ну пожа-а-алуйста! – тянет Маринка. – Всего на часок…

Я думаю. Сложно думать, когда тонешь в Маринкиных глазах. В это время Валерка Громов громко (как и полагается с его-то фамилией) со всеми прощается:

– Успешно нажраться! А меня ждёт «Каражан»!

Это он в подземелье собрался в сетевой игре. «Каражан» называется.

– Эй! Стоять! – возмущается Макс. – Какой ещё «Каражан»?

– Э-э-э, «дарагой», «какой-такой каражан-маражан»? – поддерживает Ирка. – Мы ни о «какой-такой каражан-маражан» не договаривались!

– Мы же вместе собирались! Гром! Ты идёшь с нами!

– Э-э-э… – пытается сопротивляться Валерка. – Я там ребят из гильдии обещал сводить в данж…

– Каких ребят? Какой гильдии? Мы – твоя гильдия, понял? Так идёшь?

– Э-э-э… Нет.

– А сейчас? – не теряет надежды Макс.

– Блин! Иду!

– Андрюха?

– Нет, – решаю я. – Мне. Надо. Домой. Танюшка ждёт.

При этих словах все обречённо вздыхают, а Маринка закатывает глаза. Таня, моя жена, на седьмом месяце. Я ей нужен больше, чем им. То есть это они так думают, что больше. Так что, прости, Мариш: может быть, как-нибудь в другой раз мы обязательно… В другом измерении и в другой галактике, где не будет в моей жизни Тани.

– Ладно, Андрюх, как знаешь. Танюхе привет!

Дружной гомонящей толпой, подкалывая друг друга, сваливают по Невскому в сторону Рубинштейна. Слышно, как Макс, стиснув шею Валерки, втолковывает ему: «Это ты в „вовике“ семидесятник и гильдмастер! А тут ты салага! Понял?». Валерка не теряется: «Хрен тебе, Максим Георгиевич, а не эпические доспехи!». Все на работе давно подсели на WoW. И я бы подсел, да свой компьютер дома – пока лишь мечта.

Я затягиваюсь, кидаю окурок в урну и вливаюсь в поток в метро. От Маяковки до Купчино, а там на трамвае. Нормальный привычный маршрут: работа – дом.

* * *

Дождь не прекращается. А это значит, что надо быстро добежать до трамвайной остановки. Остаться сухим всё равно не удастся, но хоть промокнуть не сильно. Чёрт, как же холодно. Курточка, рассчитанная на раннюю осень, настолько неактуальна, как и мои белые летние кроссовки. Поздний октябрь ко всему

прочему принес ещё и холод. Мокрыми пальцами я достаю сигарету, закуриваю.

– Молодой человек, подайте на хлебушек…

Выгребаю мелочь:

– Держи, бабушка.

Кажется, что жизнь поделилась на три части. В первой части я был кем угодно: сыном, школьником, студентом – но только не мужем и будущим отцом. Самые большие проблемы – двойка за поведение в дневнике и грядущая сессия. В чём-то та, первая часть моей жизни, даже однообразна, но весёлая и с перспективами.

Вторая часть жизни – очень яркая, многообещающая и короткая. На последнем курсе я влюбился. К счастью, взаимно. Таня Каверина – самая красивая девушка потока – выбрала меня!..

Дохожу до остановки. Тусуется молодежь, мои ровесники… В бары, в кино. Кино… На остановке, кроме меня, две немолодые женщины, благообразный старичок в шляпе и молодая пара с ребёнком. Все с зонтами.

…Началось-то всё просто: вечеринка в общаге, обязательные медленные танцы в конце вечера. Захмелевший я – смелый. Потоптавшись для уверенности, пригласил Каверину, и она не отказалась! Во время танца мы разговорились и стали танцевать ещё. А потом… А потом ничего такого не было. Разошлись по своим комнатам. Прошло несколько дней, пока я решился пригласить её в кино. А дальше всё, как у всех: свидания, поцелуи, и все мысли только о ней.

А потом Танька залетела. Ребёнка решили оставить. Я нашёл работу, и бытовые проблемы: расписаться, снять квартиру, работать – казались вовсе не проблемами, а так, временными трудностями на пути к большому счастью. Счастье – быть с Таней, часами смотреть в её озорные зелёные глаза, просыпаться рядом.

От недосыпа с синяками под глазами мы нагими бродили по только что снятой квартире. Обнявшись и завернувшись в одну простыню на двоих, стояли у

открытого настежь окна и курили. Весь город был у наших ног, а может, просто так казалось, с десятого-то этажа. Потом Танька вертелась у плиты, сооружая подобие яичницы с помидорами, а я не мог отвести от неё глаз. По телевизору что-то радостно вещал виджей MTV. Тогда мне это казалось милым: есть яичницу с гренками каждый день, на завтрак, обед и ужин. А любимый Танькой музыкальный канал был включён круглосуточно. Странно, но попсовые песенки той весны въелись в душу и уже ни с чем, кроме как со счастьем, сексом и Таней, не ассоциировались.

И наступила третья часть жизни – моё настоящее. Всё на мне. Сколько бы ни работал и как бы ни страдал от недосыпа, денег всё равно не хватает. И жалко себя. Причем самое фиговое – понимание того, что тебя больше не любят, а терпят. А терпят, потому что нужен.

И ещё хуже: ты-то всё ещё любишь. Правда, уже не знаешь, за что. И даже больше ненавидишь, чем любишь. Но от мысли, что она может быть с другим, внутри всё скручивается и хочется выть. Но как вернуть былые чувства? Неизвестно.

Совсем хреново, что не живу для себя. И этому не видно конца.

* * *

Лифт не работает. Твою мать! На десятый этаж приходится подниматься пешком. Злюсь и бегу, прыгая через ступеньки. Пакет с продуктами цепляется о поручень, рвется ручка, и вниз по лестнице нехотя катится коробка с замороженными пельменями.

Злость требует выхода – я пинаю эту долбанную коробку. Коробка ударяется о стену и лопается. Пельмени с весёлым стуком рассыпаются по площадке. Этажом ниже в какой-то квартире, захлёбываясь, начинает лаять собака. Да пошла ты, тварь! Матерясь, собираю пельмени. И, уже не торопясь, бреду наверх.

Дверь открывает тёща. Ёпрст! Вот чего я не понимаю, так это почти ежедневного присутствия у себя дома тёщи. «Мама будет сидеть с малышкой, а я буду работать», – объяснила мне когда-то Таня. До малышки ещё два месяца.

Но тёща уже здесь.

Подходит Таня, равнодушно чмокает в щёку, растягивая губы в улыбке:

– Устал?

Да ей же всё равно, зачем спрашивать?! Зачем изображать радость оттого, что я пришёл?

– Продукты возьми, – протягиваю пакет.

Таня заглядывает в пакет и несёт его на кухню. Да что заглядывать, ничего нового там не обнаружишь, Таня-Танечка-Танюша. Всё, как всегда: хлеб, пельмени, молоко, фрукты. Фрукты посоветовал врач. Ибо «ребёнку нужны витамины». Не вопрос. Правда, я уже подзабыл вкус пива и перешёл на более дешёвые сигареты.

– Кушать хочешь, Андрей?

Нет, блин, не хочу! Чего бы это я кушать хотел? Весь день только и делал, что жрал, а не работал. А ещё это «Андрей». Тьфу! «Милый», «любимый» отменены, как пережиток прошлого. Теперь я нейтрально-официальный «Андрей».

– Танечка, да что ты спрашиваешь, накрывай на стол! – суетится тёща. – Андрюша, вы пока мойте руки. У нас сегодня борщ! И отбивная!

Ох уж это приторно-фальшивая тёщина забота. Лучше бы она просто молчала. Борщ с отбивной – это понятно. Тёща их любит. И под видом заботы о зяте на мои же продукты готовит себе борщ и отбивную. Пока я мою руки, на кухне о чём-то шепчутся Таня с тёщей. Да ясно, о чём. Им и без меня неплохо было. В самом деле, надо было с ребятами посидеть.

– Как дела на работе? – лицемерно спрашивает тёща.

Ещё и цепляется. Ясно, хочет меня выставить в хреновом свете. А-ля твои ровесники на «Кайенах» рассекают да по ресторанам водят. А Танька еще так

участливо смотрит, типа ей тоже безумно интересно, как там на работе. Ну да, с паршивой овцы хоть зарплаты клок.

– Нормально всё, – отвечаю. – Пока не увольняют.

Тёща не улавливает иронии и крестится:

– И слава Богу!

Я ем, склоняясь к тарелке, и физически ощущаю на себе их равнодушно-презрительные взгляды.

– Как борщ? Вкусно? – спрашивает жена.

Всё ясно. Я, бездушный подонок, не оценил усилия тёщи по готовке еды, и теперь меня в завуалированной форме просят похвалить «маму».

– Спасибо, всё было очень вкусно! Только борщ пересолен, а отбивная жестковата.

Вот так вам! Сидят молча, переглядываются. Понятно: хотят, чтобы я поскорее доел и освободил кухню, им же дальше надо пошушукаться. Чёрт с вами, шушукайтесь. Отодвигаю тарелку, залпом выпиваю чай и встаю из-за стола. Бросаю: «Мне ещё надо поработать». И ухожу в комнату.

Ложусь на диван и думаю, что хорошо бы поспать. Но спать нельзя. Я набрал заказов на курсовые, так что надо работать. Встаю и сажусь за стол. Компьютера нет, всё ручками, по старинке. Потом отдам – наберут и распечатают. Глаза слипаются, но усилием воли вывожу заголовок: «Инженерно-технические службы в гостиничных комплексах». Шесть страниц курсовика… Но понимаю, что уже сплю.

Сквозь сон слышу, как звонит Танькин мобильный. «Слушаю вас, Давид!». Твою мать, что еще за Давид? Прислушиваюсь, но слышно плохо: тёща моет посуду. Всё, что удается разобрать: «До завтра, Давид!». Давид… «Каражан-маражан», твою мать!

Инженерно-технические… службы… в гостиничных комплексах…

Я перетаскиваю тело на диван и снова засыпаю.

* * *

В шесть тридцать разрывается будильник-мобильник. Вскакиваю, на автомате включаю чайник, бреду в ванную, умываюсь, чищу зубы, одеваюсь, выпиваю чашку растворимого кофе вприкуску с сигаретой и выбегаю из дома. В метро понимаю, что забыл зонт. И что я всё еще в постели, а времени уже семь! Опаздываю!

В ускоренном темпе проделываю то же самое, лишь сигарету закуриваю только на улице. Льёт дождь. Вспоминаю, что я забыл зонтик уже наяву, и бегом поднимаюсь на свой этаж. Пытаюсь отдышаться. В этот момент сквозь тонкую деревянную дверь различаю голоса жены и тёщи. Прислушиваюсь.

– …Да, Давид сегодня заедет.

От этих слов моментально бросает в пот. А там, за дверью, Таня внезапно начинает рыдать:

– Он меня разлюбил!

Я испытываю лёгкое чувство радости, по поводу того, что этот неведомый подлец Давид разлюбил Таньку. Так ей, поделом! Радость слегка омрачается треском прорезающихся сквозь череп рогов.

– Ну, перестань… Перестань, Танюш. Он тебя любит! – утешает Таньку тёща.

Ни фига! Я злюсь на тёщу, потому что Давид – мужик. Сказал – сделал. Раз Танька говорит, что разлюбил, значит – разлюбил.

– Я старалась, готовила, полдня на кухне проторчала, а ему не понра-а-авилось, – продолжает реветь Танька.

Ага, теперь ясно, кому борщ с отбивной готовился. Обычно мы едим пельмени. Порадовало только то, что Давиду борщ тоже не понравился.

– А я тебе говорила: дождись меня, научу, как правильно, помогу! А ты: я сама! – заметила тёща.

– Совсем меня не замечает, хмурый вечно, отвечает односложно, слова лишнего не вытянешь, – продолжает жаловаться на любовника жена.

– Так устаёт он на работе! – вступается за Давида тёща. – Он же вас обоих, а с малышкой и троих, тянет. Курсовые пишет по вечерам вместо того, чтобы с друзьями гулять.

Я удивляюсь нашей с Давидом схожести.

– Да, я знаю, мам, знаю. Только как мне объяснить ему, что всё это временно, что мы обязательно прорвёмся, что всё будет хорошо?! Мам, я его очень сильно люблю, я потерять его боюсь!

– Не переживай, Танюш. Вот дошьём костюм, сдадим последний заказ Давиду Арамовичу, да такой подарок твоему Андрюшке сделаем, что он тебе всё простит, и борщ недосоленный в том числе!

– Да, мам, я знаю. Он давно о компьютере мечтает, я же вижу.

Тут я понимаю, что я – олух. Речь идёт обо мне! Таня всё ещё меня любит! Борщ готовила не тёща для себя, а Танька! Для меня! Вспоминаю, что это у меня через неделю день рождения. И что Давид – это тёщин сосед по площадке Давид Арамович! И что тёща с женой днями-ночами шьют всякие вещи на заказ, в том числе костюм для Арамовича, этого старого хрыча, чтобы подарить мне компьютер! А ещё я понимаю, что мы прорвёмся! И всё будет… всё будет… всё будет офигенно!

Я спускаюсь вниз, выхожу на дождливую улицу и улыбаюсь небу.

Ведь всё будет…

2007

Мелочи жизни

Вечер пятницы. Невыносимо хочется курить. Вчера ещё было терпимо, но сегодня…

Сижу дома. Друзья все курят, а под пиво вообще беспрерывно смолят. Так что на сегодня – всем отбой, боюсь сорваться. Утешает мысль о том, что курение вредит здоровью.

По телевизору постоянно показывают, как кто-то курит. Какой-то супергерой смачно закуривает, затягивается и стряхивает пепел. Переключаюсь. Фотомодели за кулисами. Тоже курят, б… Переключаюсь. Футбол. Наконец-то никто не курит. Успокаиваюсь, устраиваюсь в кресле удобнее и… О, Боже! Зачем, скажите мне, зачем мне показывают тренера? Зачем он курит? Нервы не выдерживают. Вырубаю телевизор, закидываю пульт под кресло и одеваюсь, чтобы выйти на улицу за сигаретами.

– Ты куда? – спрашивает жена Юлька.

Она лет десять смолила, но из-за беременности бросила и с тех пор не курит. Нет, к решению бросить меня никто не подталкивал, сам решил, но Юлька поддерживает и не даёт сорваться. Жаль, но у меня не хватает ума оценить это. Так что просто срываюсь на неё.

– Чего за допрос? – зло ору я. – Я уже шага без контроля ступить не могу?

– Не ори, ребёнка разбудишь. Но и сам больше не спрашивай, куда я иду.

– Да мне оно на хрен не нужно, – распаляюсь я.

– Вот и отлично.

Юлька отворачивается и склоняется над книгой. Трезво оцениваю всю степень собственного слабоумия, но мне плохо и хочется, чтобы плохо было всем.

– Отлично? Да иди ты на х…, дура!

– Пойду, да не на твой! – слышу за спиной.

Хлопаю дверью и выхожу в тёмный пятничный вечер.

* * *

Не выдерживаю и прямо у входа в магазин открываю пачку, крышка, закреплённая акцизной маркой, не хочет открываться, рву с мясом, вытаскиваю сигарету и закуриваю. Дым струится по моим лёгким, никотин поступает в кровь, лёгкое головокружение и долгожданное успокоение. Хорошо!

Вслед за этим приходят угрызения совести. Не сдержался, закурил, нагрубил Юльке. Дурак. Надо идти исправляться.

Докуриваю и неспешно иду домой, наслаждаясь погодой. Декабрьский снежок лезет в глаза, застревает в волосах и липнет на ресницах. Ботинки утопают в снегу. По пути покупаю букет роз для Юли.

На звонок к двери никто не подходит. В душе зарождается беспокойство. Открываю своим ключом, стряхиваю с ботинок снег и захожу домой. Темно и пусто. Дома никого нет: ни жены, ни ребёнка. В смятении, ни снимая обуви, нахожу телефон и звоню тёще.

– Тёть Марин, здравствуйте! Юлька у вас?

Без эмоций тёща холодно отвечает, что Юля завезла сына и уехала. Куда уехала? Не сообщила. Кладу трубку. В голове крутится её последняя фраза «Пойду, да не на твой!», ускоряя развитие ревности. Звоню на Юлькин сотовый, но абонент недоступен. Покрываясь холодным потом, вспоминаю, что её мобильник весь день заряжался, следовательно, она отключила его нарочно.

Ревность остужают весёлые мысли о том, что наверняка сидит Юлька с какой-нибудь из подружек, да винцо потягивает, жалуясь на меня. Ладно, хотел сегодня дома посидеть, да, видно, не судьба. Набираю Сашкин номер.

– Вы где? Бухаете? Ну, ясно, что не в театре. Ага, подъеду.

Запираю дверь и еду в кабак.

* * *

Друзья уже изрядно поддатые и навеселе. Рядом сидят какие-то незнакомые девчонки.

– О, Андрюха, здорово! Садись!

Находят место, заказывают пиво и рюмку для водки. Лица раскрасневшиеся, довольные. Им-то что? Холостяки! Всю неделю работают, зато потом все уик-энды отрываются. Уже внимательнее вглядываюсь и вижу, что нет Серёги.

– А Серёга где? – спрашиваю.

– Да ему позвонил кто-то, он моментом сорвался, – удивлённо жмёт плечами Саня. – Случилось там у него что-то дома.

С Серёгой мы на штыках, всё из-за Юльки. Он меня с ней и познакомил когда-то, представлял её как свою девушку. Юльку я у него отбил, но не судите строго: любовь зла, влюбишься и в девушку друга. На нашу свадьбу Серёга не пришёл, хотя приглашали.

Вот потому-то и заколотилось у меня сердце взволнованно после Саниного сообщения. Втихаря, чтобы никто не увидел, набираю зачем-то Серёгин номер. Тщетно: абонент недоступен. Мне становится всё ясно. Правда, не легче. Единственное желание – это найти их. Но где искать? Остаётся расслабиться и получить удовольствие.

Друзьям рассказывать ничего не стал: на фиг мне их натужные сочувствия?

Пиво в горло не лезет, водка тоже. Но иного желания, кроме как напиться в хлам, у меня нет…

* * *

Помню, как блевал в туалете, а какая-то б… стучала каблуком по двери и истошно вопила, требуя открыть. Помню, как мы сменили кабак. Помню, как подцепил там какую-то смазливую студентку первокурсницу, ржавшую над моими байками о том, что я холост. Позже я понял причину её веселья: моё обручальное кольцо на пальце.

Помню, как повёз её к себе. Как трахал на нашей с Юлькой кровати. Помню, что от неё шёл устойчивый запах пота, хотя она приняла душ. Помню, как она орала, когда я дал ей в глаз за отказ отсосать. Помню, как я её успокаивал, как она всё-таки сделала мне минет, капая слезами мне на колени. Помню, как я долго не мог кончить.

Помню, как мы, обнявшись, обессиленные, засыпали. Помню, как она устроилась на моем плече и крепко ко мне прижалась. Помню, как наши ноги переплелись, а я представлял, что это Юлька.

И больше всего помню Юлькины глаза, когда она увидела всё это. Помню, как она невозмутимо за волосы выкинула студентку из квартиры. А еще помню её удивление в ответ на мои бессвязные речи о мести, о ней и о Серёге.

* * *

Она действительно в тот вечер была у подруги, но ночевала у родителей. Серёга действительно в тот вечер сорвался к себе домой, поскольку у его отца случился инфаркт. Она действительно отключила мобильник, потому что обиделась.

Для меня это уже неважно. Прошёл год, как мы развелись, но ни на одну другую женщину я больше не смотрю такими глазами, как на неё.

Курить я так и не бросил, напротив, курю ещё больше. А ещё я часто думаю о том, что было бы, если бы я тогда не пытался бросить курить? Или дело совсем

не в этом?..

2004

Переписка

Совсем недавно, в маленьком-маленьком провинциальном городке…

А началось всё с того, что Семён Петрович Потолоков к Интернету подключился. К Интернету он, конечно, подключился уже потом, а сначала он компьютер приобрёл. А если совсем быть точным, то начало истории этой положил начальник Потолокова, Лев Гяурович Огребенко.

– Вызвал я тебя, Потолоков, вот почему. Там, наверху, – Огребенко указал перстом вверх, – решили, что надо бы нам с тобой, Потолоков, так сказать, электронно-вычислительно машинизироваться. Вывести, так сказать, нашу отчётность на новый уровень. Грядёт нам, Потолоков, полная машинизация, а потому приказываю тебе овладеть навыками машинизации в кратчайшие сроки. Не овладеешь машинизацией – ждёт тебя, Потолоков, «сокращенизация», хе-хе-хе, – сначала смущённо, а потом и в голос, засмеялся довольный каламбуром Лев Гяурович.

– Будет исполнено, – ответил озадаченный Потолоков.

Что такое компьютер, Потолоков знал смутно. И, как человек основательный, дома принялся изучать приобретённую брошюрку общества «Знание». В брошюре говорилось о том, что ЭВМ – это «приспособления, выполняющие разного рода вычисления или облегчающие этот процесс». До этого момента Потолоков всё понял, а дальше, как заклинило.

А ведь терять работу Семёну Петровичу было как-то не с руки. Всю жизнь он провёл в этом бюро. Казалось, всю жизнь знал Льва Гяуровича, когда-то просто Лёву.

По сути, жизнь у Семёна Петровича не задалась. Человеком Потолоков был бесхитростным, а потому всю жизнь его задвигали. Невесту отбил Витька Косой, залихватски умевший с открытым ртом выстукивать пальцем по щеке популярные мелодии. А на работе все должности, повышения, путёвки и премии отдавали другим.

Жил Семён Петрович просто и честно. Искренне считал, что женится и ляжет в постель только по любви. Уже и Косого-то нет, и Варвара – не юная синеглазая девица с заразительным смехом, а он так никого другого полюбить и не смог.

Так что осталась у него только работа. И потерять её значило потерять смысл жизни.

Потолоков лёг спать. Перед глазами крутились нерусские слова «байт», «процессор», «бейсик», «архитектура» и почему-то небоскрёбы. Небоскрёбы строились в ряды и прыгали друг через друга. Проворочался Потолоков на кровати всю ночь без сна и решил записаться на курсы.

* * *

Курсы вела молодая привлекательная девушка Настя, годящаяся Семёну Петровичу в дочери. Говорила она бойко, и Потолоков, старательно конспектировавший лекции, чувствовал себя довольно уверенно. Писать быстро он умел и любил. Надо сказать, Семён Петрович даже гордился своим почерком.

– А теперь то, чего вы наверняка ждали с нетерпением! – весело сказала Настя. – Практика! Садимся за компьютеры.

Аудитория оживилась, все смело заняли рабочие места. Потолоков робко потоптался перед компьютером, вздохнул и сел за ЭВМ. С четвёртой попытки ему удалось включить чудо техники, от чего он пришёл в восторг и почувствовал некое волнение, сродни тому, что испытывает юноша в первую брачную ночь.

Дисплей загорелся, пробежали какие-то строчки, и появилась приветственная надпись Windows. Новый, цветастый и восхитительный мир открылся Семёну Петровичу.

* * *

– Ну, что, как успехи в сфере машинизации, ха-ха-ха? – поинтересовался Огребенко.

– Осваиваем помаленьку, – поскромничал Потолоков, научившийся вчера удалять файлы и папки.

На прошлом практическом занятии вошедший в раж Семён Петрович принялся удалять поочередно все файлы, попадавшиеся ему на глаза.

«Удалить файл?» – спрашивала система. «Да!», – ничтоже сумняшеся, отвечал Потолоков, заворожённо наблюдая за тем, как рвутся документы и летят в корзину. К сожалению, папку Windows Семёну Петровичу удалить не удалось, что вызвало в нём чувство неудовлетворённости и некоторой подавленности.

– Хе-хе, – порадовался успехам подчинённого Лев Гяурович. – Ну, Потолоков, ты резину-то не тяни! Машинизация – она ж не резиновая, она неотвратима, как победа капитализма! Так что, ты, голубчик, ускорься в освоении, иначе ждёт тебя сокращение, ха-ха-ха! Месяц тебе даю!

«А до окончания курсов ещё два месяца, – понурился Семён Петрович. – Выход один – купить ЭВМ и осваивать в домашних условиях».

* * *

Прошло две недели. Компьютер Семён Петрович купил в кредит. В качестве бонуса в магазине ему подарили интернет-карту, правда, не объяснив, как ею пользоваться. «Читайте на обороте», – посоветовал ему продавец-консультант.

Потолоков промучился весь вечер, но всё-таки сумел правильно подключить к компьютеру все провода. Выкурив сигарету и стерев с лица пот, он сел в кресло, нажал кнопку питания и замер в тревожном ожидании. Компьютер пикнул и включился.

Сначала Семён Петрович хотел удалить файлы, но потом резонно решил, что уж что-что, а файлы удалять он теперь умеет как никто иной. Вместо этого он стал

учиться создавать файлы и папки. Иначе говоря, от разрушения Семён Петрович перешел к созиданию.

Через полчаса на рабочем столе Потолокова было много ярлыков, портфель, точечный рисунок (кривой домик с динозавром в будке), пустой архив и текстовый документ.

Весь следующий вечер Семён Петрович посвятил тому, что переименовывал файлы и ярлыки. «Свобода!» – закричали душа и сердце Потолокова, когда очередную папку он назвал «Х… моржовый», и ему за это ничего не было!

К полуночи по рабочему столу можно было судить обо всём матерном словарном запасе Семёна Петровича, а также его искренних чувствах к Огребенко Льву Гяуровичу.

Обоями рабочему столу служила собственноручно нарисованная Потолоковым картинка, изображающая обнажённого Огребенко с подписью «Лёва – хам грубый и невоспитанный пи…с!».

С чувством выполненного долга Потолоков лёг спать.

* * *

К концу недели Семён Петрович решился выйти в Интернет. Выходил он туда с опаской, даром что ли его обучали избегать нежелательных файлов, заражённых вирусами, червями и троянскими конями.

Попиликав, модем успокоился, и система объявила, что «Подключение установлено». Семён Петрович открыл браузер и набрал в адресной строке единственный пока известный ему адрес: mail.ru.

Спать Потолоков ложился владельцем собственного почтового ящика potolokov_semen1956@mail.ru и подписчиком развлекательного сайта, где ему обещали каждый день – новую девушку.

Погружённый в приятные воспоминания о красивых улыбчивых девушках с эротического сайта, Семён Петрович крепко заснул.

А утром, проснувшись пораньше, даже не почистив зубы, проверил почту. В ящике были два новых письма: одно с новой девушкой, ничуть не хуже предыдущих, а второе не по-русски.

Семён Петрович возликовал! Ему два новых письма! Писем он не получал с армейских времён, и утреннее событие взволновало Потолокова. Два письма! Девушка! И от иностранца!

Вот тут-то он и пожалел о том, что плохо учил в школе немецкий. Семён Петрович распечатал письмо на принтере, и, не позавтракав, кинулся на работу.

* * *

– Лев Гяурович! Отлучиться мне надо! Зарубежные товарищи письмо прислали, как успешно машинизировавшемуся, перевести надо.

– Что ты говоришь! – изумился Огребенко. – А откуда письмо-то?

– Не знаю пока, знаю, что не по-русски.

– Что же ты обратный адрес не посмотрел, Потолоков? – ещё больше удивился Огребенко.

– Так… как… не освоил я методу-то пока, как обратный адрес узнавать, – стал оправдываться Потолоков, в нетерпении перебирая ногами, как конь.

– Ну, ты, олух царя небесного! – окончательно ошалел Огребенко. – Ты что, читать не умеешь? Ясен пень, что и адрес не по-русски, но это ж и ума много не надо. Дай письмо, я скажу – откуда! УСА – Америка, Чина – Китай, Сива – это Куба, я точно знаю.

Потолоков протянул Льву Гяуровичу распечатанный лист. Тот просмотрел его и спросил:

– А конверт, конверт-то где?

– Э-э-э… Какой конверт?

– Мать моя женщина! – сообщил Лев Гяурович. – ко-он-ве-ерт, тот, куда письма кладут, на который марки клеят, на котором адрес пишут! Конверт! Ну, Потолоков, напрягись: куда конверт девал?

– Не было конверта. Так пришло, по имейлу.

– По какому, твою мать, ещё имейлу?! – стукнул кулаком по столу Огребенко. – Ты, Потолоков, я смотрю, окончательно машинизировался, простых вещей не понимаешь, а плетёшь только чушь всякую!

– Лев Гяурович, – возмутился Потолоков, – имейл – не чушь, а компьютерная почта электрическая. Как телеграф.

– А, телеграф, – успокоился Огребенко, не любивший непонятных вещей, – телеграф – это понятно. А то имейл какой-то выдумал. Ну, так и быть, валяй, переводи, посмотрим, что там тебе буржуи пишут.

С облегчённым сердцем Семен Петрович пошёл в местное бюро переводов.

Заявленная цена за перевод не понравилась ему сразу и без оговорок. Отдавать недельное жалование да при непогашенном кредите показалось ему легкомысленным. Но любопытство и утренний заряд радости и бесшабашности заставили его заплатить эти деньги. За переводом его попросили зайти вечером.

* * *

«Дорогой Семён Потолоков, – несколько фамильярно сообщил неизвестный автор письма. – Для нас не являются секретом некоторые трудности в вашей половой жизни».

Семён Петрович удивился осведомленности автора письма и продолжил чтение:

«Не отчаивайтесь! Многие мужчины сталкиваются с подобными проблемами, и мы уже многим помогли! Спешим Вам сообщить, что пришёл Ваш черёд! Мы с

гордостью представляем Вам уникальный, дающий стопроцентный успех, препарат „Восхождение-2000“!..»

Чтение Семён Петрович закончил с двояким чувством. Его тронуло, что где-то там, за границей, есть люди, которым близки его проблемы и которые готовы их решить.

С другой стороны, препарат стоил каких-то безумных денег.

«Займу у Огребенко», – решил Потолоков и успокоился.

* * *

Огребенко денег не дал. Напротив, накричал на Семёна Петровича, будучи в похмельном состоянии после дня рождения супруги. Секретарша отпаивала шефа армянским коньяком и недовольно цыкала на Потолокова. Тот неуверенно попытался рассказать о дружбе народов и всемирной глобализации, о которой он читал в газете, но неожиданно его перебил звучный храп Огребенко, и Потолоков предпочёл уйти.

Рабочий день Потолоков провел в подавленном настроении, размышляя о собственной никчёмности. «Люди, можно сказать, навстречу мне пошли, участие проявили, а я…», – думал он, и было ему горько-прегорько от этих мыслей.

Ответ Семён Петрович писал долго. В первых строках своего письма Семён Петрович поспешил рассказать о себе, о жизни своей, о Варьке и Витьке Косом. Поблагодарил за сочувствие. Пообещал купить препарат, как только появятся деньги. Поинтересовался, как здоровье заокеанского друга. Пожелал всяческих благ. Передал горячий привет от Огребенко Льва Гяуровича. Хотел было приписать: «Жду ответа, как соловей лета» – но потом засомневался, есть ли в Америке соловьи. И написал просто: «Жду ответа, как лета. Семён Петрович Потолоков».

Бюро переводов переводило четырёхстраничное (убористым почерком) письмо Потолокова два дня. После чего Семён Петрович вынужденно сел на диету из хлеба и воды и с энтузиазмом принялся набирать на компьютере полученный текст.

Ещё через три дня письмо было отправлено. Электрической почтой.

* * *

Лев Гяурович был в благостном настроении. Обещанную машинизацию, которой он слегка побаивался, перенесли на следующий год – не хватило средств.

– Ну, Потолоков, обещал я тебе машинизацию, а её не будет в этом году. Дай Бог, не будет никогда. А если и будет, тогда или осёл сдохнет, или я на пенсию выйду, ха-ха-ха!

Семёну Петровичу стало грустно, но из вежливости он тоже посмеялся.

Грустно Потолокову было ещё и потому, что неизвестный друг прислал ему уже четыре ответных письма, но перевести их Семён Петрович не мог: до зарплаты было ещё две недели. Да что там: не просто грустил Семён Петрович, Семён Петрович страдал!

Каково это, когда ты пишешь, пишешь, а ответы тебе не приходят, он знал по службе в армии. Сколько он писем тогда Варьке исписал, а ответы приходили всё реже и суше, пока Варька не вышла замуж за Витьку Косого. После чего юный Потолоков хотел закончить жизнь самострелом, но сослуживцы не дали.

Письма он всегда носил с собой, в надежде на случай. Сколько ни вглядывался он в незнакомые слова, но так ничего, кроме своего имени, понять не смог.

Сейчас он мысленно ставил себя на место американского друга и страдал ещё больше. А потому на предложение Огребенко выпить по маленькой он среагировал не как обычно: укоризненно поглядел на шефа, что для него было верхом дерзости, щёлкнул каблуками и вышел из кабинета.

Лев Гяурович удивленно поднял правую бровь, хекнул и вызвал Дергунова. Огребенко нужна была компания.

* * *

– Что это вы, Семён Петрович, сегодня такой печальный? – спросила Настя.

– Так это… Насть, имейлы мне приходят от друга, на американском языке. А я в нём ни бе ни ме, – пожаловался Потолоков, протягивая письма Насте.

Настя лишь взглянула на заголовки писем, тотчас смяла листы в комок и кинула в корзину:

– Семён Петрович! Эти письма послал никакой не друг. Такие письма называются спам и удалять их можно сразу же. Жаль, я не рассказала вам об этом раньше.

Лекцию Настя посвятила E-mail-переписке и возможным проблемам, связанным с нею. И чем дальше Настя углублялась в вопросы спама, тем больше мрачнело лицо Семёна Петровича. Разумом он понимал, что Настя права, но сердцем никак не мог согласиться с тем фактом, что кто-то утруждался, тратил своё время и писал ему письма просто так.

Как же так? Миллионы людей в мире страдают от одиночества! Получи они доброе письмо, пусть даже от незнакомого человека, разве не легче им будет жить? С этой мыслью Потолоков покидал компьютерные курсы.

* * *

Страдания Потолокова постепенно сглаживались, и жизнь входила в нормальное русло. Благополучно установленная «стрелялка» захватила его на несколько дней. Первоначально боящийся монстров Потолоков, со временем перестал пригибаться и втягивать голову. Но закрывать глаза при выстреле из ракетницы не перестал. Слишком уж велик был риск.

Удачно размещённое на сайте знакомств объявление (чуть меньше 30 сантиметров, навскидку сообщил Потолоков, со школьных времён привыкший всё мерить стандартами 30-сантиметровой линейки) привнесло в жизнь Семёна интригу и интимную составляющую.

Одна девушка недвусмысленно хотела от Семёна Петровича денег, в благодарность обещая седьмое небо и тридцать три удовольствия. Остальные дамы желали обеспеченного и ответственного мужчину и интересовались, есть

ли у Семёна Петровича, помимо 30 см, движимое и недвижимое имущество. В ответ ничего не обещали, но почему-то заинтересовали Семёна.

Семён, не мудрствуя лукаво, просто продублировал им письмо, написанное американскому другу.

Некоторые дамы, включая девушку, недвусмысленно желающую денег, ответить Семёну не возжелали. Но одна ответила. И, что ни на шутку взволновало Семёна Петровича, предложила встретиться.

И всё бы ничего, но машинизация всё-таки пришла в бюро, где работал Потолоков.

* * *

Огребенко как неуспешно машинизировавшегося отправили досрочно на пенсию, а его место, к всеобщему удивлению, занял Семён Петрович, на компьютерном тестировании щеголявший такими словами, как «хард», «оперативка» и даже «винт».

Новая должность, куча свободного времени и личный компьютер с подключением к Сети позволили Потолокову исполнить свою давнюю мечту: он пишет и получает много писем.

«Дорогой друг! Зовут меня Потолоковым Семёном Петровичем, а проживаю я в славном районном центре…»

Такие письма с предложениями о дружбе пришли уже многим. А вы ещё не получили письма от Семёна Петровича?.. Тогда он пишет вам!

2007

Плевок в душу

– Чего куришь? «Мальборо»? Угости. Огня дай ещё. А пьёшь чего? Коктейль? Чего за коктейль, дай посмотрю. Фу, что за бурда? Как ты её пьёшь? Нормально? Хрен его знает. Брат, угости пивом, сушняк у меня. Нет, я такое не пью, возьми тёмного. Чего говоришь? Нет, ты чего. Нормально всё: сейчас ты мне помог, завтра – я тебе. Чего грустишь-то? Чего рожа кислая? С бабой проблемы, небось? Да брось, я же вижу, что с бабой. Ладно, с тёлкой. Нет? С девушкой, значит. Что? Девушка твоя рога ставит? Нет? Чего ты мямлишь, «бе» да «ме». Возьми лучше пива. Девушка, ещё пива и к нему чего-нибудь сообрази. Слышь, брат, я вижу: ты – нормальный пацан! А я на мели. Подкинь мелочи, а? Да не жмись, чего ты. О, благодарствую, брат. Это… Тут такое дело, короче. С подругой я сегодня, так что, может, дашь ещё? Ты чего? Боишься, что ли? Не боишься? А чего тогда? Смотри! Слышь, это… А хули этим компотом давиться: может, водочки? А чего так? Ну, как хочешь. Я выпью… Девка-то твоя не дура: на хрен ей такой язвенник сдался? Вот и гуляет. Что?! Ты что такое сказал, гнида?! С тобой же душевно общаются, как с человеком! На! Сучара! Ты у меня сейчас кровью умываться будешь! П…ц, в душу мне плюнул!

2006

Такой же, как ты

Утро было будничным, но к обеду всё изменилось как для меня, так и для всего юридического отдела компании «Акме Технолоджис».

– Ну, что, ребята: кажется, мы влипли, – заявил Ник, войдя в комнату. – Президент обязал участвовать все отделы, и от корпоративной олимпиады нам не отвертеться.

Мы взвыли. В углу в приступе кашля зашёлся Олсон, самый возрастной сотрудник отдела. Ник оглядел наши хмурые физиономии и ухмыльнулся.

– Я как начальник этого никчёмного отдела, о бесполезности которого уже слагают легенды, – продекламировал он, – взял на себя ответственность заявить нашу команду на чемпионат по футболу.

Вой усилился. Из угла Олсона донесся предсмертный хрип.

– Напоминаю вам, олухи, что олимпиада начнётся через месяц. Согласно приказу о сокращении кадров, команда, занявшая последнее место, будет уволена в полном составе.

Вой прекратился, и мы впали в задумчивость.

Довольный произведённым эффектом, Ник продолжил:

– Таким образом, начиная с сегодняшнего дня, вплоть до начала соревнований, три раза в день у нас будут тренировки.

– А как же работа? – спросил Йенсен, маленький тщедушный датчанин. – У нас проекты горят!

– Работу никто не отменяет. Тренироваться будем во внерабочее время утром, в обед и вечером.

– Почему футбол? – спросил Мун. – Насколько я знаю, в нашем отделе футболом никто серьёзно не занимался.

– А вы чем-то занимались серьезно, Эдди? – удивился Ник. – Посмотрите на себя! Вы же сборище инвалидов! Мистер Олсон самостоятельно не может даже запустить текстовый редактор! Как же, это ведь так сложно – не промахнуться и кликнуть мышкой в нужном месте экрана! Йенсен, не так давно сообщивший о горящих проектах, знает только один вид спорта, и он также связан с горением! Не прячьте бутылку, Йенсен, она нам ещё пригодится. Остальные ничем не лучше. Про девчат я вообще промолчу. Так что футбол – наша единственная надежда. Стой себе, а если мячиком рядом, будь добр, ударь ножкой, авось будет гол. Вопросы?

Вопросов не было. Лишь отчаянно сверкавшие очки Олсона безрезультатно пытались что-то донести до Ника азбукой Морзе.

– Тогда вечером жду всех в спортзале!

* * *

В курилке Грег из отдела медиапланирования сообщил, что вибрации от наших вчерашних стонов достигли лаборатории и сорвали важнейший эксперимент. Завлаб Натансон вне себя и грозится написать жалобу генеральному.

Плевать нам на его жалобы. Олимпиада – вот что нас беспокоит.

Первый же тренировочный матч выявил полное отсутствие взаимопонимания в команде. Меня поставили на ворота. Наши викинги – Йенсен и мистер Олсон – по тактике, разработанной Ником, искали счастья у чужих ворот. Мистер Олсон, неожиданный элемент на поле, как выразился Ник, робкими перемещениями по вратарской площадке противника должен был вводить в заблуждение защитников вражеской команды и открывать свободное пространство для прорывов Йенсена.

Прорывы Йенсена – это, конечно, громко сказано. Но всё же мы надеялись, что кавалерийские наскоки нашего бомбардира, пусть и без мяча, смутят соперника и дадут шанс второй атакующей волне.

Вторая атакующая волна состояла из Ника и Эдди Муна. Это значило, что при неудачной атаке у меня появлялись большие проблемы: контратака и выход противника один на один с вратарём, то есть со мной. Рассчитывать на скорое возвращение наших викингов из тылов вражеской команды было наивно. Толстый Ник подвижностью и высокими скоростными данными не отличался. Надеяться оставалось только на ловкого и шустрого Муна и наших девчонок, которых отрядили в защиту.

Самой юной защитницей оказалась сорокапятилетняя миссис Ортега. Поэтому, кроме возведения оборонительных редутов, её задачей стала помощь нашей полузащите в созидании.

Остальные старушки должны были действовать по ситуации и ждать от меня более конкретных указаний в течение матча.

На деле всё вышло иначе. Ловкий и шустрый кореец Эдди Мун, действительно, носился по полю, как метеор. Но бегал он бестолково и совсем не по делу.

Йенсен с Олсоном за всю тренировку мяча коснулись лишь раз, когда вратарь противника выбивал его в поле и случайно угодил Йенсену в затылок. После тренировки Ник безрезультатно пытался выяснить у датчанина, почему он играл, стоя спиной к воротам соперника.

Комплекция Ника не позволяла ему носиться по полю всё время. Ко второй минуте первого тайма он выдохся и предпочёл стоять на месте. «Пусть уж лучше мяч сам найдёт меня, чем я буду бегать за ним по всему полю», – объяснил он нам.

Миссис Ортега забила невероятный по красоте гол из-за пределов штрафной площадки. К несчастью, это был гол в свои ворота. От старушек пользы не было вовсе: мяча они боялись и отобрать его могли по чистой случайности. В этом матче случай был не нашей стороне.

Проиграв тренировочный матч со счетом 0-39, мы мысленно стали готовиться к статусу безработных.

* * *

Месяц прошел незаметно, и завтра – открытие олимпиады.

Тренировки дали свои плоды. Ежедневные кроссы, работа с мячом и тренировочные матчи повысили нашу выносливость, технику и видение поля. Йенсен научился попадать по мячу, а каждый третий его удар стал достигать цели. Мистер Олсон изобрёл собственную систему запутывания вражеских защитников, а миссис Ортега поняла разницу между своими и чужими воротами.

Мы даже стали забивать голы, а когда Ник изменил тактику, наши проигрыши стали более достойными. Разница в один или два мяча – это, согласитесь, не тридцать девять.

Наша новая тактика не отличалась новизной в мире футбола. Вся команда, за исключением Муна, защищала ворота, находясь на своей половине поля. Если же нам удавалось отобрать мяч, мы поскорее выбивали его вперёд, в расчёте на то, что кореец сможет его подобрать и на скорости убежать от защитников. Иногда это срабатывало, и Мун убегал. Но выходы один на один он реализовывал

бездарно, и голы забивал редко.

Так что следующим этапом тренировок стала отработка Муном голевых ситуаций. Возможно, мы натренировали бы Муна до статуса футбольной звезды, но тут настало время чемпионата.

Каждому участнику требовалось пройти медосмотр и различные тестирования на скорость, технику, выносливость, умение пробить по воротам, прыгучесть и прочие технико-тактические характеристики.

Когда с тестами было покончено, данные по каждому игроку внесли в базу данных. А нас отправили на жеребьёвку, где мы узнали, что первый матч играем со сборной Совета директоров. Это нас немного порадовало. Гораздо меньше повезло Грегу с его отделом медиапланирования. Им выпало играть с командой отдела безопасности.

Завтра – матч. Страшно.

* * *

Мы выиграли и вышли в полуфинал! Не знаю, разгонят ли Совет директоров, но теперь это их проблемы!

Единственный гол забил Мун с пенальти, назначенного за снос Йенсена в штрафной площадке противника. От радости мы затрясли мышками и клавиатурами, а миссис Ортега пустилась в пляс прямо на столе. Остаток времени сборная Совета безрезультатно пыталась забить хоть один гол, а когда матч закончился, капитан директоров Марковски в гневе разбил монитор. Ха-ха! Теперь уж нас точно не уволят!

Всё, побежал праздновать это событие с коллегами. Оптимист Йенсен приберёг для этого бутылочку. Кто знает, может, мы поймали кураж и теперь станем чемпионами корпорации по игре «FIFA Soccer’ 2025»?

* * *

«„Такой же, как ты!“, – под таким лозунгом прошла презентация новой игры компании Electronic Arts из серии FIFA Soccer. Теперь можно играть, управляя не виртуальным клоном реального футболиста, а своей копией. Перед игрой специальные тесты считают ваши физические и футбольные данные и создадут футболиста: такого же, как вы, с такими же именем, внешностью и параметрами. Тренируясь в реальной жизни, вы повышаете свои характеристики и в игровой жизни. И если вас взяли в мадридский „Реал“ в игре, будьте уверены, „Реалу“ вы пригодитесь и в реальной жизни!..»

Game Land, № 11, 2027 г.

2005

Счастье

Ваське Мельникову привалило счастье. Нашел Васька бумажник. А там документы на имя какого-то Абдул-Махмуд Гайсум-оглы, тысяча двести долларов и две тысячи шестьсот сорок два рубля.

Да и сам бумажник – новый, хрустящий, из настоящей кожи.

Васька его издалека заприметил, благо зрение у него было, как у орла. «У меня зрение, как у орла», – говорил он друзьям Пантелею, Кецарику и Вовке. Стараясь ступать не заинтересованно, но в то же время быстро, Васька подошёл к дверям казино. На чистом-чистом асфальте около входа в казино красовался бумажник. Васька вытащил руки из карманов, наступил на бумажник, огляделся и, ловко его подняв, сунул за пазуху.

Еще раз оглянувшись, Васька, насвистывая весёлую мелодию, ускоренным шагом пошел вдоль по улице. Наконец не сдержался и побежал. Забежал в один проходной двор и, путая следы, промчался так полгорода.

Отдышался только у своего дома. Сел на камень за гаражами и долго нюхал бумажник. Пахло от него кожей, деньгами, каким-то безумно вкусным

одеколоном и немного жопой. «Видимо, – подумал Вася, – бывший владелец таскал бумажник в заднем кармане». Потом, смутившись от мысли, что он как извращенец полчаса обнюхивал чью-то жопу, Вася счёл первоначальную версию в корне неправильной. «Это ж я сам себе задницу чесал! – обрадовался он. – Вот от рук дух и идёт!».

Дрожа от нетерпения, открыл бумажник и тщательно пересчитал деньги. Денег было много. Годовая зарплата Васи. «Охренеть! – всё, что смог сформулировать Вася. – Это же сколько ящиков водки можно купить! Да не самопальной, а настоящей!».

Вася выложил двести рублей в карман штанов, подаренных соседом, ещё тысячу двести отложил в нагрудный карман, остальное оставил в бумажнике. Тысячу двести он был должен соседу, который всю жизнь, сколько его Вася знал, был чмырём и лохом. Но в последнее время соседа словно подменили, в голосе его появилась властность и отчётливые угрозы. «Не иначе как на работе поднялся», – думал Вася, оправдывая поведение соседа.

А на двести Вася собирался гульнуть. Надо было только зайти за дружками: один Вася пить не любил. «Что я, алкоголик какой, один пить?» – недоумённо вопрошал Вася жену свою Катерину. Катерина неизменно отвечала в том духе, что чёрт тебя знает, Вася, ты и один не прочь к горлышку приложиться. Васю такие несправедливые обвинения и подозрения оскорбляли до глубины души.

Следуя плану, Вася поднялся с нагретого камня и пошёл к Пантелею.

* * *

Вася, Пантелей, Кецарик и Вовка проходили мимо Васькиного подъезда, когда Васька замедлил шаг. «Я сейчас, мужики», – буркнул Вася и зашёл в подъезд. Васька решил отдать долг соседу Сергею, тому самому бывшему лоху. «Мало ли, – думал Вася. – Пропью ещё. А Серёга, в принципе, парень неплохой, в гору пошёл, лучше рассчитаться с ним, пока деньги есть».

Поднявшись, Вася долго переминался с ноги на ногу. Но потом решился и позвонил в дверь соседа.

– Сергей, здравствуй, – как можно более официально сказал Вася.

– Здорово, Вася, – сказал Сергей.

– Серёг, ты извини, что так поздно, – промямлил Василий, – но ведь лучше поздно, чем никогда, да?

С этими словами Василий протянул Сергею уже приготовленные деньги.

– Ну, Вась, я удивлён, – сказал Сергей. – А что случилось-то? Да заходи, не стой на пороге.

Вася зашёл, Сергей прикрыл за ним дверь. Вася думал, стоит ли сообщать о находке Сергею, и решил, что не стоит. Надо было срочно придумать версию о появлении денег.

– Понимаешь, Серёг, за ум я взялся. На работу устроился новую, а там с этим делом, – щёлкнул Василий себя по горлу, – строго. А платят хорошо.

– Молодец, Вась. Так ты вообще завязал с выпивкой? – поинтересовался Сергей.

Вася вздохнул и как можно более твёрдо сказал:

– Вообще. Хватит. Я же сколько пропил за этот год. Примерно так посчитал и ужаснулся, – горячо заговорил Вася. – Я же детям компьютер мог купить на эти деньги! Серёжка с Петькой давно просят.

Идея купить компьютер осенила Васю только сейчас.

– Компьютер – вещь хорошая, – одобрил Сергей.

– Нужная это вещь, Серёга! Сейчас без компьютера – никуда! – развил идею Василий. – Так что, раздам долги и детям в кредит компьютер куплю. Сейчас такое время, за десять минут кредит делают! А научатся мои на компьютере работать – считай, уже в жизни устроены!

– Вась, я на самом деле рад за тебя, за Катеринку, за Петьку с Серёжкой. Ты уж будь мужиком, слово-то держи теперь!

– Что ты, Серёга! Всё! Ни-ни! – убеждённо сказал Вася. – Ну, бывай, сосед. В расчёте?

– В расчёте.

Сергей захлопнул дверь. Василий, озадаченный собственным враньём, потоптался на площадке. Потом, словно осенённый идеей, рванул вниз по лестнице.

Кецарик, Пантелей и Вовка нетерпеливо ждали Васю. «Трубы горят у мужиков», – сочувственно посмотрел на дружков Василий.

– Мужики. Я не могу пойти с вами. Меня дома ждут.

Мужики помрачнели лицами. Спонсором сегодняшней пьянки должен был быть Василий. Вася поскрёб затылок и протянул им двести рублей, отложенных на гулянку.

– Держите. Отдадите потом, когда сможете.

И, весело насвистывая, побежал домой. Дверь ему открыли сыновья: Серёжка с Петькой.

– Папка! – хором радостно воскликнули дети.

Катерина, увидев трезвого мужа, облегчённо вздохнула и заулыбалась.

«Вот оно – счастье!» – подумал Вася.

2004

За сигаретами

Даня не любил чаты. В Сети он не новичок, бороздил по её просторам с девяносто шестого и к чатам охладел уже через год. Пустой трёп, бездарное времяпровождение. Девушки, с которыми он там знакомился, описывали себя не иначе как фотомоделями, но при реальной встрече с ними Даня думал, что фотомоделями они смогут стать только тогда, когда в этом мире ни одной другой женщины не останется.

Но сегодня ночью, после того, как Светка его бросила, напоследок кинув, что Даня – тряпка и слабак, он вернулся к тому, что года три назад можно было назвать его любимым занятием: к сёрфингу в Инете.

Пропиликал модем, о чём-то договариваясь со своим собратом на том конце провода, и в правом нижнем углу, возле часов, загорелась иконка соединения. Два мини-мониторчика лениво перемигивались, пока Даня уже подзабытым движением мышки навёл курсор и трижды щёлкнул по значку браузера.

…Кажется, давно это было. Тогда, когда Даня влюбился в Свету, он поломал себя во многом. Из его жизни исчезли бессонные ночи в Сети, продолжительные запойные гулянки с друзьями. «Ты меня не любишь!» – обиженно надув губы и часто моргая глазами изумрудного цвета, говорила Света и отворачивалась, стоило Дане заикнуться о том, что было бы неплохо выпить в такой жаркий денёк пивка.

Любовь ломает, но кто же знал, что настолько? Так сильно Даня влюбился впервые, и первые полгода со Светкой он и сам не помышлял о том, чтобы вечер провести раздельно. Прежние интересы таяли в водовороте всепоглощающей страсти, когда же от страсти остался сухой остаток в виде привязанности и похоти, проводить вечера только со Светкой вошло в привычку.

Обычно после работы он заходил за ней, они шли в магазин, закупались полуфабрикатами – готовить Светка то ли не хотела, то ли не умела – брали пару фильмов в прокате и шли домой. Дома из вечера в вечер всё повторялось, словно под копирку: совместный душ, секс, ужин перед телевизором, снова секс и сон. Грязная посуда и остатки ужина так и оставались на столе. Посуду мыть Светка тоже не любила, а Даня предпочитал оставлять это чудесное занятие на утро, чтобы не дать Светке заснуть, пока он моет посуду. Будить ласками только что

уснувшую Свету было опасно: могла так наорать, что всё желание пропадало.

А потом и секса стало меньше. По обоюдному желанию.

Так и продолжалось ещё года два, пока Даня не понял, что жизнь проходит, до конечной станции с каждым днём – всё меньше и пора что-то менять.

Был жаркий августовский вечер. Тогда он не зашёл за Светкой, а остался с коллегами по работе праздновать День взятия Бастилии. Коллеги-видеоинженеры каждую пятницу закрывались в своей комнате, предварительно затарившись водкой и закуской, и что-то праздновали. Шеф об этом не знал, а охранники не удивлялись, что в пятничный вечер кто-то не идёт домой, а продолжает работать: заказы на рекламные видеоролики часто бывали срочными, а видеоинженеры сидели не на окладе, а на процентах.

Было время, ещё до встречи со Светой, и Даня оставался с ними. Потом перестал, и коллеги посмеиваясь, за глаза стали звать его подкаблучником, что, по идее, было верно и правильно.

Посидели они неплохо. Выпили несколько бутылок водки, поговорили за жизнь, а после полуночи мирно разошлись по домам. Впервые за три года Даня почувствовал, что хорошо отдохнул. В небе сверкали звёзды, на улице было свежо, и хотелось идти пешком. Но на своих двоих добираться было далековато, и Даня поехал на такси. Выйдя из такси, он, немного пошатываясь, добрался до своей квартиры. Открыл своим ключом дверь и на пороге наткнулся на Светку. Не говоря ни слова, она врезала ему пощёчину, потом ещё одну и, развернувшись, зло направилась в спальню. Лечь рядом Даня не рискнул. Уснул в зале на диване.

Проснулся утром от дикой жажды. Побрёл на кухню, долго и с удовольствием пил из чайника, а потом решил проверить, как там Светка. Светки в спальне не было. Её вообще нигде не было. На кровати лежала записка: «Даниил, нам надо расстаться. После обеда заеду за вещами. Мудак».

Мудак разглядывал трещину на потолке, когда приехала Света. Молча собирала вещи, на попытки Дани заговорить – отмалчивалась.

А когда уходила, сказала, нервно покусывая губы:

– Даниил, всё к этому шло. Своей вчерашней выходкой ты просто довёл наши отношения до логического конца.

– Но как же так? Всего лишь посидел с коллегами после работы, а ты сразу хочешь расстаться? Почему?!

– Вот так. Я давно поняла, что ты тряпка, но всё-таки надеялась, что у тебя хватит духу и силы воли не устраивать истерик. Всё, прощай.

Вы что-нибудь понимаете? Даня не понимал ничего. Как так? Он что, заключённый? Шаг вправо, шаг влево… Расставаться из-за посиделок с коллегами? Как последний кретин всё время проводил с ней, потерял всех друзей, всю зарплату ей отдавал, цветы дарил по любому поводу. Любил.

Потом понял. Ей нужен был повод. Любой. Вот и зацепилась.

Да ну и хрен с ней. Пора начинать новую жизнь.

Даня спустился в магазин за пивом, на обратном пути сделал комплимент хорошенькой соседке, а, придя домой, закурил, как в старые добрые времена, прямо за компьютером. Светка таких вольностей не позволяла и курить выгоняла на лестницу. После курения она всегда требовала, чтобы он чистил зубы.

– Хе-хе-хе, – довольно потёр ладони Данька. – Свобода!

Установился коннект, и Даня открыл сразу три окна браузера. Из полузабытого «Избранного» в адресную строку переместились ссылки ранее любимых сайтов. Кое-какие сайты пропали, другие неузнаваемо изменились, а там, где раньше был респектабельный новостной ресурс, теперь обосновался порно-сайт. Сёрфил Даня до тех пор, пока не нарвался на ранее незнакомый чат.

– А, была не была, – крякнул Даня и нажал на кнопку «Регистрация».

…Уже светало, когда Даня обнаружил, что закончились сигареты. Под столом валялись пустые бутылки из-под пива, пепельница была забита окурками с пеплом.

Своей новой знакомой по чату, с которой и общался всю ночь в привате, сказал, что будет минут через пятнадцать.

Спускаясь по лестнице, Даня думал о том, что ему уже двадцать пять, а он в этой жизни ещё ничего не сделал. Никаких мужских поступков не совершал, в армии не служил, последний раз дрался в третьем классе, даже Светке не изменил ни разу. Может, и правда он – тряпка? Да, так оно и есть. Сидит в чате, клеит малолеток… Не мужик, короче. Не мужик.

Даня почувствовал, что если он сейчас не сделает что-то, он окончательно запишет себя в лузеры. Алкоголь ещё не выветрился, и шальные идеи приходили одна за другой. Одна из них Дане понравилась, и он твёрдым и уверенным шагом воодушевлённого человека пошёл к магазину. Рука в кармане поглаживала зажигалку, выполненную в виде пистолета.

Улица была пуста. За последние пятнадцать минут из магазина никто не выходил, и Даня решил, что пора. Город ещё спал, а на грязном асфальте белело улыбчивое солнце, нарисованное мелом чьей-то детской рукой. Вывеска над магазином гласила «24 часа». Даня натянул бейсболку на глаза и вошёл.

За прилавком сидела симпатичная девушка, по всему – студентка, сонно хлопала глазами, но при виде Дани – выучка! – встала, улыбнулась и спросила, может ли чем помочь. Даня улыбнулся в ответ, вытащил пистолет-зажигалку и направил продавщице в лицо.

Улыбка сползла с лица вмиг побелевшей девчонки, а Даня, увидев такую реакцию, обрадовано заорал:

– Стоять на месте, сука, это – ограбление! Упала на пол! Упала! Руки за голову! Лежать! Лежишь, сука?

Даня перемахнул прилавок. Девчонка лежала лицом вниз, руки за головой. Она была на грани обморока. Даня поставил колено ей на спину, приложил дуло пистолета к затылку и вежливо сказал:

– Давай знакомиться? Меня Даней зовут, а тебя?

– И… Ир… Ира.

– Очень приятно, Иринка. Извини, что напугал, я пошутил. В кино не с кем сходить, ты как? Что завтра вечером делаешь? И вообще лёжа, наверное, разговаривать неудобно. Вставай. Да не бойся ты, это зажигалка. Смотри! – Даня пощёлкал зажигалкой. – Видишь?

Ира утвердительно мотнула головой, все ещё не веря своим ушам.

– Ну что, пойдём завтра в кино? И это, дай сигарет мне, «Парламент». Держи деньги.

Ира взяла сигареты с полки, протянула Дане, а потом сказала:

– Ну и дурак же ты, Даня. У меня чуть сердце не остановилось! А что за фильм, кстати?..

– А хрен знает. Сто лет в кино не был…

2003

Много знать

Чувака звали Абай Гетахун Йорданос. По паспорту. По тому же паспорту он был эфиоп. А вот по маме он был самый настоящий русский. Дитя московской олимпиады. Папа Абая, поматросив маму Абая, умчался в свою Эфиопию еще в 1982 году.

Маму Абая такой расклад совсем не устраивал. Молодая женщина, ещё и двадцати нет, а уже мама, ещё и сын – негр. В общем, пораскинув мозгами, решила она Абайку к маме в Казахстан отвезти, в Актюбинск. Глядишь, там за казаха и прокатит. А самой надо личную жизнь устраивать.

По счастливой случайности, Абай – нередкое имя в Казахстане, так что с этим повезло. Дворовые пацаны, естественно, поначалу придирались за то, что негр. Но потом ничего, влился, своим стал: воровал со всеми арбузы у азербайджанцев, курил на заднем школьном дворе шмаль и пил в детсадовской беседке первую в своей жизни водку.

Рос Абай спокойным пацаном, переживал, конечно, что безотцовщина, но не заморачивался. Маму видел раз в год, а то и в два. В пятнадцать лет ездил в Москву к ней в гости, но инкогнито, чтобы новый мамкин кабальеро ничего не заподозрил. Жил в дешёвой гостинице «Центральная», гулял по Тверской и думал, что в Москве жить – хорошо, надо к этому стремиться.

Бабулька в его жизнь особо не вмешивалась, воспитывала постольку поскольку и особых нотаций не читала, полагая, что Абай – мальчонка умный и сам во всём разберётся.

Мальчонке тем временем стукнуло семнадцать. Школа была закончена не то что бы с отличием, но без троек, но в институт поступать – денег не было. Так что пошел Абай по тяжёлой стезе коммерсанта.

Взял он двух своих корешей в подручные и стал бомбить дачи и огороды на предмет овощей и фруктов. С ягодами не заморачивались, долго их собирать, а вот от яблок или помидоров, огурцов не отказывались. Пользовались тем, что народ наш на огородах своих в основном по выходным вкалывает, так сказать, активно отдыхает, а в будние дни на дачах – пенсионеры всякие да ветераны труда. Трём здоровым лбам вломить какому-то старикашке, здоровье своё оставившему на производстве, – нечего делать, тем более что совесть давно и безвозвратно запрятана далеко и глубоко, где-то в район толстой кишки. Правда, временами совесть просыпалась и пыталась подать голос: «Абай, что же ты, сукин сын, делаешь? Грабишь беззащитных дедушек и бабушек, у которых и так пенсия ниже некуда…» Но Абай принимал эти позывы за желание облегчиться, что он незамедлительно и делал. Кусками да ломтями совесть сливалась и вскоре поняла, что лучше ей вообще молчать, пока её всю на дерьмо не пустили.

Ворованные фрукты и овощи начисто отмывались, упаковывались в красивые пакеты и сбывались на стихийных торговых рядах жаждущим витаминов горожанам. Таким вот манером был собран стартовый капитал.

Кореша-подельники его к тому времени отшились. Один из ревности да по пьянке зарезал собутыльника своего, таиться не стал и, протрезвев, сдался милиции сам. Второй, решив, что пришла пора действовать самому, открыл свой бизнес: покупал-перепродавал мясо, обманывал крестьян по-крупному, да на том и погорел: собрались колхозники всем аулом, и гнев народный на нём выместили. Ходить он теперь не может, а кушает строго через трубочку. Ну, да и чёрт с ним, сам виноват.

Ходили слухи, что и в первом случае, и во втором без участия Абая не обошлось, но тайна сия так тайной и осталась, сам же Абай об этом предпочитал не вспоминать.

В том же году Абай открыл фирму «Йорданос и сыновья». Хотя не то что детей – постоянной девушки у Абая не было, но надеялся он, что будут и жена, и дети у него, они и продолжат начатое отцом дело.

Бабушку свою он послал подальше, а именно бомжевать на улице, сам продал её квартиру и купил другую, в престижном районе и элитном доме, с видом на центральный проспект и футбольный стадион.

В двадцать лет Абай приобрёл первую машину: новенькую «десятку». Права сделал знакомый капитан, не по дружбе и не из альтруизма, а за вполне конкретные доллары.

Спустя пару лет, Абай сменил «десятку» на «Вольво» и отрастил приличный пивной «авторитет». За это время бизнес раскрутился немерено, и стал Абай подумывать о том, чтобы вообще в Москву уехать, заодно и маме внушение сделать за тяжёлое детство.

Тогда же Абай и познакомился с милой девушкой Леной. Лена училась на переводчика, параллельно подрабатывая в баре администратором. Фактическим хозяином бара был Абай. А потому, на негласных правах работодателя, стал не то что намекать, а вполне прямо заявлять Лене, что хочет её. Лена с улыбкой отказывалась от встреч, чем ещё больше распаляла воображение и желание Абая. Наконец, Лена сдалась. Не в смысле сдалась и отдалась, а решила, что шеф всё равно не отстанет, а просто встретиться – почему бы и нет?

В ресторане Лена объяснила Абаю, что она не такая, что учёба для неё на первом плане, что работа в баре – лишь подработка и что никаких интимных отношений она не хочет, так как бережет себя для будущего мужа. Тот со всем согласился, в какой-то степени даже зауважал свою подчинённую, но мысли о том, чтобы переспать с ней, не оставил.

Через пару недель он позвонил ей, сказал, что приедет с друзьями обсудить какой-то важный вопрос. Нет, нигде больше нельзя, так как нельзя обсуждать этот вопрос прилюдно. Да, у друзей есть свои квартиры, но они несвободны. Нет, у меня тоже нельзя, за домом следят. Да, мама помешает, лучше, если она на вечер уйдёт куда-нибудь.

Так Абай с тремя своими знакомыми и бутылкой водки оказались у Лены дома. Квартира была довольно большой, чистой, но небогатой. Друзья, выпив по сто грамм, ушли «по ещё какому-то важному делу», Абай же остался и, даже не снимая с Лены трусов, поимел её. Потом, сказав, что всему надо учиться, попросил сделать ему минет. Лена, решив, что была не была, жизнь одна, а в ней надо всё попробовать, да и шеф довольно симпатичный, плюс ко всему – преуспевающий и молодой, согласилась.

Постепенно Лена, как девушка умная и целеустремлённая, стала для Абая не только спермоотстойником, но и хорошим собеседником, который не только выслушает, но и посоветует. Взамен Лена получала деньги, от которых всегда отказывалась, но всё равно брала. Лена с мамой, как уже говорилось выше, жили небогато. Потому Абай помогал Лене, как мог: оплачивал счета за коммунальные услуги, обучение в вузе, помогал продуктами и одевал в дорогие вещи. Так уж заведено: самые красивые девушки – не всегда достаточно обеспечены, а такие, как Абай, покупают или берут в аренду общество этих роскошных девушек, но очень редко – женятся на них.

Прошёл год, а то и два. Лена Абаю поднадоела, и он всё реже встречался с ней. У Лены же появился свой парень, нормальный парень Саша, любящий Лену и боготворящий её. Лена его тоже любила, но про Абая никогда не рассказывала. Двухчасовые встречи с Абаем она списывала на походы к парикмахеру или маникюр. Саша верил. Конечно, вызывали подозрения частые походы в эти салоны, отключённый мобильник, а также абсолютно неизменившиеся ногти Лены после маникюра, но на вопросы Лена отвечать отказывалась и всегда обижалась, обвиняя парня в недоверии.

Абай про Сашу знал, посмеивался и обещал Ленке ее хахалю яйца оторвать, если тот её обижать будет. Сашка был на пару лет старше Лены, окончил университет и работал по специальности – программистом. Внешне эффектный, он не был из числа тех программёров, которые прочным стереотипом осели в головах наших граждан. Голову мыл ежедневно, одевался модно, бога из компьютера не делал, хотя и не был прочь пострелять в шутер или пообщаться в Сети.

Всё у них с Ленкой было хорошо, и Саня уже подумывал о женитьбе, но мысли о том, что Ленка, возможно, ему изменяет, не давала ему покоя, да и вообще, раскалённым гвоздём сидела в заднице. Ибо ревнивым он был до истерик. А тут не просто девушка, а жена почти!

* * *

Однажды гулял Саня со своими друзьями-программистами в одном дешёвом кабаке, да и напился вдребезги. Друзья от него не отстали по этой части, так что добирался домой он один, денег на тачку не хватало, так что шёл он пешком, да и упал как был, с ноутбуком, в арык. Лёжа в арыке в собственной тошнотине, Саня жалел себя до тех пор, пока не отрубился замертво. И приснился ему сон. Во сне этом шёл Саня по пустыне с винтовкой и мочил поганых душманов. Так метко Саня стрелял, что решило командование ему медаль дать, а то и, бери выше, орден! И вот встретил Саня очередного басмача, а тот ему и сказал человеческим голосом:

– Не убивай меня, смелый русский, я еще тебе пригожусь!

А Сане что: одним врагом меньше, одним – больше – он и пошёл на диалог с этой рожей нерусской.

– Чего надо? – спросил Саня.

– Великий дар у меня есть, брат, от предков остался по наследству, мне он не нужен, а тебе отдам, если не убьёшь! Не убивай, брат!

– Врёшь, гнида черножопая, – ответил Саня голосом Данилы Багрова, – не брат ты мне! А что за дар-то?

– Всё, что хочу, узнать могу легко. Любую информацию!

– А вот я тебя сейчас проверю, чудак. Скажи, сколько я программистом зарабатываю?

Хоть во сне он и был воином-афганцем, но считал, что работает программистом.

– Официально или на самом деле? – спросил Хасан Ханмуххамади, а именно так звали басмача. – Официально – двенадцать тысяч тенге, а на самом деле – шестьдесят четыре тысячи. И премия у тебя была в прошлом месяце, еще двенадцать.

Верно, подумал Саня. Похоже, не врёт афганец. Но всё-таки решил перепроверить:

– Когда «Спартак» выиграет Лигу Чемпионов?

Тут Хасан замялся:

– Видишь ли, я могу узнать, что уже случилось, а не то, что будет. Я могу тебе назвать всех игроков «Спартака» за все времена, когда и кем голы забивались, сколько зарабатывает Егор Титов, почему на самом деле ушёл Олег Романцев, сколько раз в неделю спит с женой Парфёнов… Но будущее для меня всегда сокрыто в тумане. Кроме того, каждый раз, когда я узнаю что-то, я старею на определённое время.

– Вот тебе раз! И на сколько стареешь?

– Зависит от важности информации для тебя. Если я хочу узнать точное время, то жизни отнимается совсем немного, секунда или две. Информация о том, где можно найти клад, стоит гораздо дороже, и счёт уже идёт на часы, а то и сутки.

– Б…, – сматерился Саня. – Ну и что толку от твоего дара, в тотализаторе не поиграешь, на бирже не заработаешь… Ещё и жизнь отнимается… Ну да чёрт с тобой, давай свой дар, в хозяйстве пригодится. Что делать-то надо?

– Дар этот передаётся только половым путём, – ответил Хасан, зажмурившись.

– Охренел! Ты, чего, сука, вообще нюх потерял?!

– По-другому никак.

Сашка задумался:

– Да и чёрт с тобой, давай, только быстро…

Конечно же, афганец всё сочинил насчёт передачи. Дар он мог передать любому, достаточно было коснуться лба наследника и сконцентрироваться. Но Хасану хотелось хоть что-то получить от этого наглого русского…

– Если захочешь что-то узнать, просто произнеси шёпотом: «Я очень хочу знать…» – сказал, застёгивая штаны, Хасан. – Удачи!

И Саня проснулся.

Проснулся он оттого, что ему нестерпимо хотелось ссать. Саня вылез из арыка и пошел в поисках подходящего места для этого дела. Во рту чувствовался какой-то неприятный привкус, но Саня не придал этому значения.

«Домой! К Ленке! В душ!» – всё, о чём Саня думал в тот момент.

Вот уже три месяца они с Ленкой вместе снимали квартиру, и эти три месяца были самыми счастливыми в его жизни.

Дома Саня разделся и полез в ванну. Там его разморило, он отхлебнул холодного пива (Леночка постаралась!), закурил сигарету и вдруг вспомнил сон. «Чёрт, приснится же такое, – подумал Саня. – А вдруг правда?». От этой неожиданной мысли Санек потерял равновесие и плюхнулся с головой под воду. Вынырнув, он задумался. Бывают же всякие вещие сны, может, и этот из их серии? И ещё этот привкус во рту…

И он попробовал.

«Я очень хочу знать, какая температура воды в этой ванне», – прошептал он.

В голове взорвалась бомба, на секунду всё озарилось яркой вспышкой, а потом в наступившей темноте он ясно увидел три знака: «52°».

«Не обманул душман!» – восторженный вопль огласил квартиру.

Только что Саня, не поленившись, сбегал за термометром и измерил температуру. Термометр показал 51°, что было объяснимо: пока Саня отсутствовал, вода немного остыла.

«Охренеть! – подумал Саня, – Это же весь мир теперь у моих ног! Я всё могу узнать! Есть ли инопланетяне? Кто убил Кеннеди? Как добиться успеха? Как снять любую тёлку! Как прожить 200 лет? Изменяет ли мне Ленка?…».

Это дело надо отметить! Но сначала… Сначала он должен узнать.

Саня сел в кресло. Подумал, что он будет делать, если прав насчёт своих подозрений. Бросит Ленку? Отлупит? Простит? Чёрт его знает, лучше сначала выяснить правду. Это для него очень важно!

«Я очень хочу знать, изменяет ли мне Елена Сергеевна Кириллова», – прошептал Сашка.

Ответ возник в голове очень краткий: «Да».

Саня покрылся испариной. В животе что-то затаилось, какой-то кусок боли метался по желудку, сердце колотилось, ставя мировой рекорд по пульсированию.

Ещё через два часа он знал о связи Лены с Абаем всё. В деталях. Как мазохист, он задавал всё новые и новые вопросы: когда, в какое время, в какой позе, кончала ли Лена, как насчёт нетрадиционных видов… И снова и снова по кругу, сколько раз, как Лена предохранялась в тот раз, а в этот, а вчера… Была ли беременна от Абая, что получала взамен…

С кресла встал уже не двадцатичетырёхлетний Саша, а глубокий старик лет семидесяти. Последний вопрос, заданный Александром Валерьевичем, был вопрос о том, где можно в городе найти пистолет. Туда старик и направился.

* * *

«Известный предприниматель и меценат, Абай Гетахунович Йорданос был вчера найден убитым в собственной постели. Рядом был найден изуродованный труп молодой женщины, предположительно – Кирилловой Елены Сергеевны, 1982 года рождения…»

«Внимание, розыск! Терещенко Александр Валерьевич 21.07.2005 года ушёл из дома, и до настоящего времени его местонахождение неизвестно. При себе имел паспорт, ноутбук, телефон Nokia в корпусе серого цвета, часы Swatch производства Швейцарии…»

«Сегодня утром на пересечении улиц Пацаева и Маресьева был обнаружен труп мужчины, 70–75 лет. По данным полицейских – это человек без определённого места жительства, без видимых признаков насильственной смерти. Причина его смерти будет установлена после проведения судебной медицинской экспертизы…»

Из местных газет.

2003

Неразменный

У Радика была мечта: переспать со Светкой, продавщицей из продуктового магазина «24 часа». Мало «переспать», так ведь, помимо обычного влечения, Радика к Светке тянуло. Радик был слишком недалёк для такого высокого чувства, как любовь, а потому переживал и не понимал, что с ним происходит. Ни о ком другом в жизни он так не думал, как о Светке. Вот, скажем, сидел

Радик с мужиками, в картишки гонял, берёт карту – дама бубновая, а видит Светку, а не даму. В общем, никогда ещё с Радиком такого не было, даже в школе, когда он Настю Симоненко по всему классу гонял, чтобы чувства свои показать.

В отчаянии Радик надирался до крайней степени опьянения, которая всё упрощала: чувства пропадали, хотелось просто трахаться. Желательно, со Светкой. Благо, с выпивкой проблем не было: Радик работал при том же магазине грузчиком. Проблемы были со Светкой. Не давала, и всё тут. Радик уже все методы испробовал: и в углу зажимал, и напаивал, и в кафе приглашал – всё без толку. А без взаимного согласия в таком деле, как любовь, Радику было неинтересно, хотелось, чтобы именно взаимно всё было, правильно, как у людей.

Выпивали, в общем, как обычно, сразу после обеда, на работе. Напарником Радика был старый татарин Дамир, похожий на убелённую сединами обезьянку. Обычным делом было пойти после работы к нему домой и продолжить там. Правда, в тот вечер сложилось иначе.

В тот вечер Радик был зол. Деньги закончились, а до зарплаты было как до Луны – ещё три недели. На аванс не стоило и надеяться: бухгалтерша скорее удавится, чем выдаст его. Дамир занять тоже не мог – вместе деньги пропивали. Деньги были нужны.

И вот сидел Радик на складе, курил и горевал. Двадцать два года, а человеком не стал. Живет с матерью-одиночкой, образование – неполное среднее, девушки нет и вообще. Скучно жить. Трезвым жить – особенно скучно. Всё, что есть, – это сила недюжинная.

«Хорошо этим офисным крысам, – думал Радик. Чистые, благоухающие модными одеколонами, радующиеся жизни…» Всей душой ненавидел Радик своих сверстников, добившихся хоть чего-либо в этой жизни. Был бы Радик таким – и Светка ему бы дала. И не только Светка. А стать таким – раз плюнуть. Денег просто надо. А раз никто не даёт ему, Радику, денег, так Радик их сам заберёт. А как иначе?

* * *

Дизайном интерьеров занимался Серёга. Был он по образованию экономист, да, видимо, не лежала душа его к точным наукам, простора хотелось и фантазии. А какой простор в экономике? Так что освоил Серёга всякие программки дизайнерские, да и устроился дизайнером в фирму одну, дизайном таким живущую. Платили хорошо, да и вообще как специалиста ценили.

Но денег всё равно ему не хватало. А объяснение тому было простое. Не на шутку увлекся Серёга играми азартными. Огни казино манили его пуще всего остального. Слова: «Спасибо, ставки сделаны, ставок больше нет» – снились ему постоянно. Кроме того, снились Серёге «стрейты», «флеши» и «каре». «Флеш Роял» Серёге не снился. Не верил он в него, так как не видел никогда. Знал, конечно, что да, теоретически возможно получить на раздаче высшую покерную комбинацию. Но не верил. Инопланетяне тоже теоретически возможны, да кто их видел, инопланетян этих?

Что такое «стоп» – Серёге было неведомо. Как и слово «тормоз». А потому проигрывался Серёга в казино в пух и прах, влезал в долги, выманивал авансы, делал шабашки втайне от шефа, обманывал друзей и близких. Апатия стала обычным состоянием для Серёги. И понимал он сам, что в яме, что дальше некуда, но остановиться не мог. Жил мечтой о Флеш Рояле, о большом куше. И не хотел Серёга понимать, что даже приди ему пять «кушей» – не отобьёт он уже проигранные бабки. Слишком много было оставлено за зелёным сукном. И не только денег.

Любимая девушка Лика, не выдержав вечной лжи, безденежья и круглосуточного отсутствия Серёги дома, ушла к родителям, надеясь, что Серёга исправится. Серёга не исправился. Её отсутствия он даже не заметил. Лика поплакала, да нашла нового парня.

Новому парню повезло. Классная девушка, эта Лика.

Сидел как-то Серёга вечером на работе, заканчивая какой-то проект. В офисе никого уже не осталось, и Серёге захотелось развлечься. Открыл свой любимый сайт с разными картинками весёлыми, расстегнул джинсы. Подслеповато щурясь, с вожделением стал вглядываться в экран.

Внезапно открылось какое-то рекламное окно. Автоматическим движением Серёга навёл курсор, чтобы закрыть непрошеное окно. Окно развернулось на

весь экран. «Ошибся что ли?» – подумал Серёга и снова кликнул на крестик. Окно не закрылось.

Зато монитор вспыхнул ярко-красным и побелел. На экране проявился какой-то текст:

Сергей Михайлович Кривов! Добро пожаловать в клуб неудачников! Вы достигли последней стадии и номинированы на звание «Неудачник года»!

Номинация даёт право на исполнение одного из двух желаний. Выбор одного из них навсегда избавит вас от проклятия неудач. Выбор другого – утвердит вас в этом навсегда.

Будьте осторожны с выбором. Не ошибитесь! Желаем успеха!

• Хочу, чтобы у меня никогда не заканчивались деньги.

• Хочу избавиться от страсти к азартным играм.

Выберите желаемый вариант и нажмите кнопку: «Я сделал свой выбор!».

Серёга расхохотался. Кто бы ни подшутил над ним, но шутка удалась на все сто! Наверняка, кто-то из своих. Отсмеявшись, Серёга тыкнул первый вариант, нажал на кнопку и откинулся в кресле. Ничего не произошло. Окно закрылось, и Серёга вновь увидел своих вожделенных бесстыдных порно-див с арбузными грудями.

* * *

У кассы казино «Лас-Вегас» Серёга открыл бумажник и с удивлением обнаружил, что в нем вместо одного заначенного стольника гринов целых два. Два!

Один был новенький и хрустящий, этот стольник Серёга выпросил у своей бабушки, копящей на похороны. Сказал, что друг в больнице помирает, деньги нужны на лекарства срочно. Бабулька прослезилась, но денег Сережёньке дала. Второй был весь затёртый и мятый, и было непонятно, откуда он появился. Серёга призадумался, но ненадолго – из зала слышались отрывистые фразы

дилеров и крупье, гул вращающейся рулетки. «Я снова дома», – подумал он.

Двести долларов при минимальной ставке в десять улетели за полчаса. Судьба словно насмехалась над Серёгой. Серёга закрывался удвоением на двух парах – у дилера была тройка. Серёга закрывал Фулл Хаус, а дилер открывал себе Фулл Хаус старший. Серёгины два короля отступали под натиском дилерских двух тузов. Последние десять долларов дали Серёге с раздачи флеш. Надо было закрываться. Денег не было. С какой-то последней безумной надеждой на чудо Серёга открыл бумажник и обомлел.

В бумажнике лежал тот самый стольник баксов. Затёртый и мятый. «Не задерживайте игру», – попросил дилер. Задумываться о том, откуда в бумажнике появилось ещё сто долларов, не было времени. Серёга поменял этот стольник на фишки и подтвердил ставку удвоением. Флеш сыграл – дилер сдал себе «туз – король», минимальная комбинация, при которой есть игра и выплачивается выигрыш. Плюс сто десять долларов.

Перекур. Серёга пересел за столик и заказал сто грамм водки с закуской. Подсознание увязало два события, и получилась цельная картина. Чья-то шутка (?) и эти сто долларов. Затаив дыхание, Серёга открыл бумажник. Бумажник был пустой.

Лихорадочно помыслив, Серёга побежал к кассе и заказал фишек на сто долларов. Ещё раз открыл бумажник и еле успел подхватить челюсть. Те самые сто долларов. Стольник баксов. Неразменный стольник.

Дальнейшие эксперименты показали, что стольник действительно появляется только тогда, когда нужен для покупки чего-либо. Это было хорошо. Значит, его невозможно потерять.

Через пару часов у Серёги была гора фишек по сто долларов. Можно было играть по-крупному. Заплатив тысячу за вход, Серёга проник в VIP-зал, минимальная ставка в котором была сто долларов за раздачу. «Разомнёмся на руле», – подумал Серёга.

Теперь, когда денег было столько, сколько надо, душа пела, и разум возвращался к Серёге. «Тысяч десять-двадцать на сегодня хватит», – подумал Серёга. Потом снимаю лимузин, покупаю тысячу роз… Нет, сначала надо сходить

в баню, чисто-начисто вымыться, постричься, хорошо приодеться, а уже потом лимузин, розы и поездка к Лике. Лика простит. Поймёт. Тем более теперь, когда я могу купить ей всё, что она пожелает.

На рулетке Серёга ставил по тысяче долларов на дюжины. Закрывал две, выигрывал с одного спина по штуке. Иногда проигрывал. Но чаще выигрывал. Подняв штук тридцать на руле, Серёга двинул к столам с покером. Играл по-крупному: по двести, триста, когда чувствовал, что везёт, – ставил и по тысяче.

Из казино Серёга ушёл ранним утром. Несколько пачек стодолларовых купюр грели душу. Птички чирикали и исполняли специально для Серёги утренний концерт. Солнце ярко светило в глаза. Начиналась новая жизнь. Правда, от таких переживаний исчезнувший ночью аппетит разыгрался, надо бы в магазин около дома зайти.

* * *

Всю ночь бухал Радик. Собирался с духом. Лишь утром решимость его преисполнила, и он стал пасти клиента.

Клиент себя долго ждать не заставил. В магазин вошла одна из этих офисных крыс. Лет двадцать с небольшим, рожа жизнерадостная, в руке – кожаный портфель. Сонная Светка лениво отпустила ему товар, долго копалась, собирая сдачу с крупной купюры, и продолжила дремать. Клиент вышел из магазина и неторопливой походкой через скверик направился домой. Неслышной тенью Радик отправился за ним. По дороге подхватил давно примеченную арматуру.

* * *

Через день Светка пришла на работу пораньше, приняла смену, проверила товар на полках. Настроение у неё было приподнятым: вечером позвонил Радик и пригласил сегодня в ресторан. В ресторан! Не в какое-то кафе занюханное, а в настоящий ресторан – с белыми скатертями на столах, красивой посудой, вежливыми официантами. Радик ей хоть и не нравился, но ресторан был чем-то не из этой жизни с её грязью, обыденностью, рутиной, похотливыми клиентами, истеричной хозяйкой, штрафующей по любому поводу, и придурками-грузчиками. Пусть Радик был одним из этих грузчиков, но каким-то женским

чутьём Светка понимала: если он приглашает её на свидание, то, значит, всё у него серьёзно, а не просто так.

Она включила радио и замечталась. По радио передавали что-то совсем уж романтичное, нерусское правда, слов не понять, но так идеально вписывающееся в Светкино настроение, что она невольно стала подпевать. В магазин зашли покупатели. Механически подавая требуемое, Светка прислушалась к радио. Диктор объявил утренний выпуск городских новостей. «Губернатор принял ветеранов…», «Очередная забастовка на заводе…», «Криминальная хроника».

«По подозрению в убийстве задержан Коновалов Родион Семёнович, 1982 года рождения. Накануне на улице Гагарина сотрудники правоохранительных органов обнаружили тело молодого мужчины, как позже выяснилось, Кривова Сергея Михайловича, 1978 года рождения. Причиной смерти Кривова стали многочисленные ушибы и травмы головы. В ходе предварительного следствия выяснилось, что Кривов возвращался из казино, где выиграл крупную сумму денег. Ведётся следствие».

Светка заплакала.

2004

Нарисованная баба

– Сегодня, эта, на повестке дня, значить, поведение доярки Степанцовой и пропажа колхозного имущества! – сказал председатель колхоза Бурьянов и пукнул.

Колхозники насторожились и замерли в ожидании. Степанцова покраснела.

– За истекший период, – продолжил Бурьянов, – пропало: ведра эмалированных – 2 штуки, швабра металлическая – 1 штука, гусь – 1,5 штуки. Есть предположения?

– Да что ж это деется, Сергей Сергеич! – воскликнула Ильинична, доярка ещё со времен товарища Сталина. – Да за это расстреливать надо!

– Мгм? – удивился Бурьянов. – Вы мне это, значить, прекратите, Завалыгина! Скажите лучше, кого вы подозреваете?

Ильинична смутилась. В исчезновении колхозного имущества она подозревала самого Бурьянова, но сказать об этом стеснялась, не чувствовала поддержки товарищей.

– Вы мне это прекратите, – повторил Бурьянов, удовлетворенный молчанием Ильиничны. – Повторяю вопрос, есть ли у кого-либо предположения по факту исчезновения ведер эмалированных…

– Сергеич, да погоди ты со своим списком!

Зычный голос из угла зала заставил всех оглянуться.

Колхозного кузнеца Валентина Зуверова побаивались – слыл он добрейшим человеком, будучи тверезым, но разгонял бревном полколхоза – баб в поле, мужиков – в лес, – будучи выпимши. Грань между двумя состояниями визуально не определялась, а значит, риск получить пудовым кузнецовым кулаком в рыло был всегда.

– Мужики! Бабоньки! Сергеич! Вы меня давно знаете, я человек добрый! – почему-то плаксиво начал речь Зуверов.

– Ой, добрый! – взвыли бабы. Мужики тактично пожали плечами – а чего ж нет, но на всякий случай прикидывали, в какое окно сигать, если вдруг что.

– Человек я добрый… – продолжил Зуверов. – Но спать не могу ужо который день, все мучаюсь! А мучаюсь я, товарищи, по вине ирода этого!

Зуверов злобно ткнул пальцем в деревенского художника Сашку Детишкина.

Колхозники ахнули – художник считался безобидным. Сам Детишкин побледнел.

– Нарисовал ирод этот в кузнице моей на стене бабу бесстыжую! – заголосил речитативом кузнец. – Я-то всего-то просил его облик товарища Ленина изобразить, чтобы всегда, работая, ощущать теплый взгляд нашего дорогого Владимира Ильича! Оставил я его, значить, малевать в кузнице, а сам на обед. Вечером возвращаюсь – а там баба! Бесстыжая! Грудь наружу, а ниже… А н-ни… ж-же… – Зуверов стал заикаться, он повторял слово «ниже», постепенно затихая, а взгляд его застыл. По подбородку скатилась слюна. Зуверов замертво рухнул.

– Мужики, у Вальки-то в кузнице баба голая на стене! – завопил плюгавый тракторист Васька.

Раздался грохот сдвигаемых стульев – все встали. Мужики, обтекая тело кузнеца, ломанулись на выход – смотреть бабу. За ними, матерясь и кляня нерадивых мужиков, побежали смотреть «срам» колхозницы.

В зале остался только коммунист Бурьянов и художник Детишкин.

– Слых, Сашко! – сказал Бурьянов.

– Да, дядя Сережа?

– А мне можешь бабу такую нарисовать, а? В коровнике?

– Сколько заплатите, товарищ Бурьянов? – неожиданно жестко спросил Детишкин.

– Слых, ты эта… Помалкивай. Заплачу, не переживай. Ведро тебе дам. И гуся.

Необычайные приключения и переживания Виталика, рассказанные им в период депрессии

В город приезжает цирк.

Все улицы в афишах: «Впервые! Выступает Медведь-Телепат!».

Вся арена забита до отказа. Все свистят, кричат: «Медведя давайте!».

Выходит потрёпанный медведь с верёвочкой. В зале свист, крики: «Давай!».

Медведь медленно раскачивается на ногах и начинает телепать верёвочку!!!

Тут, в общем, ситуация стандартная: он любит её, она любит другого, а тот, другой, никого не любит, но не против необязательного секса с ней. Естественно, все работают в одной компании. Тот, который первый, его Виталиком зовут. Знаешь, классическая такая фигня. Звали бы его окружающие Виталием или на буржуйский манер Витом, всё в этой истории могло сложиться по-другому. Но чтобы тебя называли полным именем, нужно что-то для этого сделать. А так: ведёшь себя как Виталик, так и будешь Виталиком. Как видишь, всё просто.

Того второго, которого любит она, ты не поверишь, зовут Максом. Альфа-самец, открытая улыбка, строен и высок, прост в общении, в общем, не дурак. Коллегами уважаем, начальством обласкан, девчонками любим, да и гнильцы за ним не наблюдалось никогда. А ты чего ожидал? Ну, да, обычно в таких историях в таких вот «гарных хлопцах» обязательно находится какая-то подлость, трусоватость или ещё что на потеху публике. А то, что не любит он нашу красавицу, – так сердцу не прикажешь. И то, что трахаются они, так, извини, брат! Девочка красивая, не замужем, сама просится. Кто бы отказал? Ты бы отказал? Ну-ну.

Имя той красавицы – Анастасия, а для друзей – просто Настя. Внешность её я описывать не буду, представь сам: молодая красивая девушка, только после института, на деньги не падка, с текстами Рю Мураками знакома, но так, без фанатизма – очки не надобны.

Я же говорю: стандартная ситуация. Настя живёт от свидания к свиданию. Макс от щедрот выделяет вечер или два в неделю. Виталик за всем этим наблюдает и бешено ревнует.

Сто пудов, будь это фильм, ползала уже бы сочувствовали Виталику и болели за него, а Макса считали бы подонком.

Проблема в том, что Настя – не телепат. Чем чёрт не шутит, может, знай она о чувствах Виталика, она хотя бы гипотетически попробовала бы его рассмотреть в качестве жениха-любовника. Но Виталик держится крепко, о чувствах своих никому не рассказывает, страдает молча. Особых знаков внимания девушке не оказывает: стесняется и боится отказа. Шкала ненависти к Максу близится к пиковой отметке.

Всё так и тянется до дня рождения Насти. Виталик решает, что настал день Икс. Взвесив все свои достоинства (по сравнению с Максом), он приходит к выводу, что у него есть преимущества. Во-первых, он любит Настю. Это очень важно. Во-вторых, у него выше должность, чем у Макса (э-э-э, я об этом не говорил?). В-третьих, он серьезный и не кобель. А самое главное – он готов жениться на ней прямо сейчас!

К выполнению плана Виталик приступает немедленно. В интернет-магазине выбирает самый дорогой букет цветов. Оплачивает заказ. В следующем магазине покупает кольцо для Насти. Там же договаривается, что цветы с кольцом привезут к ним в офис и вручат Насте. К кольцу и цветам он просит приложить записку с текстом: «Дорогая Настя! Я люблю тебя. Выходи за меня!». На вопрос: «Как подписать?» – тушуется, так как вероятность отказа всё-таки существует. Просит не подписывать. Он полон уверенности, что Настя поймёт всё сама: ведь вчера она ему улыбнулась и сказала «спасибо», когда он уступил ей место в очереди в столовой; позавчера как-то по-особенному сказала ему «привет», два дня назад поставила «пять» под его фотографией в социальной сети; на прошлой неделе… В общем, Настя поймёт, от кого.

Для полноты картины меняет интернет-статус на «Я – не кобель». А в блоге пишет: «Сегодня – самый важный день в моей жизни! Скрестите пальцы за меня, друзья!».

В день Икс Виталик приходит на работу чуть раньше других: в костюме, при галстуке, в отутюженных брюках и открахмаленной рубашке. Благоухает Виталик суперсовременным запахом для настоящих мужчин (так было сказано в рекламе).

Рабочий день начинается как обычно. В деталях расписывать, что было дальше, смысла нет: ты себе и так, наверное, всё представил. «Ах, цветы! Ах, кольцо!». Счастливая Настя кидается на шею Максу. Окружающие в экстазе, причем мужская половина в конкурентном «Охомутали! Охомутали!» бьёт копытами в пол и радостно гогочет; женская быстро компилирует ревность и зависть в ликование и счастье за подругу. Макс, очень мягко говоря, офигевает, но удар держит, в надежде на «потом разберёмся». Как я уже говорил, парень хороший, не подонок.

За всей этой феерией всеобщего идиотизма наблюдает в костюме, при галстуке, в отутюженных брюках и открахмаленной рубашке благоухающий Виталик. Пока не плачет, но кровь уже к лицу прилила, и перенасыщенный кровью мозг выдает ему разные красивые сцены суицида, где в главной роли – сам Виталик.

Чем всё заканчивается? Свадьбой.

А Виталик на всю жизнь запоминает, что телепатии не существует.

2012

В здоровом теле…

Врач-диетолог Жанболсын Галиевич первую сигарету выкурил в первом классе. К четвертому он дымил с редкими перерывами на сон. В шестом классе он попробовал водку. Вкус не понравился, но стало почему-то радостно, так что девятый класс он заканчивал ярым приверженцем философии «…если есть в кармане пачка сигарет…», любителем остограммиться в обед и «нормально посидеть» вечером.

К сорока годам он остепенился. Курить бросил, пить бросил, занялся физкультурой, свой любимый бешбармак променял на паровые котлетки из куриной грудки и зерновой хлеб.

А в прошлом году аккурат к Наурызу Жанболсын Галиевич открыл в своем элитном жилом комплексе магазин здоровой диетической пищи «Жанболсын». Продукты без глютена, соки без сахара, биологически активные добавки, обезжиренные молочные продукты, итальянская минеральная вода «Сан-Пеллегрино» – все привозилось из Европы и было либо органическим либо низкокалорийным и жутко полезным.

«В точку попал!», – радовался Жанболсын Галиевич, – «В доме половина жильцов – буржуйские экспаты, а другая половина – уважаемые люди. И те и те здоровье берегут, в спортзал ходят. Ниша! Скоро деньги буду грести лопатой! Совковой!».

Стены магазина были обклеены вырезками из газеты «ЗОЖ» и плакатами-лозунгами в духе «В здоровом теле – здоровый дух!» и «Мы – это то, что мы едим!» на четырех языках (английском, русском, казахском и китайском – специально для китайских строителей со стройки рядом).

На семейном совете Жанболсын Галиевич решил подарить первому покупателю от лица магазина «Жанболсын» упаковку диетического шоколада – без жиров, без сахаров, со вкусом картона.

Первым покупателем стал случайно ошибившийся дверью Маке. Уважаемый человек Маке некоторое время вглядывался в широкую улыбку врача-диетолога.

– Е-ее-й… Магазин что ли? – удивился Маке.

– Так точно, Маке! – отрапортовал врач-диетолог. – Магазин здоровой пищи!

– А разрешение имеется?

Разрешения имелись от всех нужных инстанций. Разочарованный Маке, не глядя, схватил бутылку итальянской минеральной воды «Сан-Пеллегрино» и со словами «Запиши на мой счет», ушел. Шоколад не взял.

Радостный, как думалось Жанболсыну Галиевичу, день стал днем разочарований. Любопытные жильцы заходили, оглядывались, выясняли, что в магазине нет ни пива, ни другого алкоголя, ни сигарет, ни пельменей, ни какой-

то другой еды, а только здоровая пища и биодобавки, после чего пожимали плечами и уходили ни с чем.

Иностранцы удивлялись ценам на знакомые продукты и так же уходили ни с чем.

Впавший в отчаяние врач-диетолог самолично распечатал красивым шрифтом Comic Sans объявления о том, что каждому покупателю – шоколадка бесплатно, и отправил детей расклеивать объявления по подъездам дома.

Не помогло. Не помог и переход на круглосуточный режим работы. Здоровая пища, как выяснилось, не нужна жильцам дома и ночью. И вообще, здоровыми, конечно, хотят быть все, но есть, обычно, хочется вкусное и вредное.

На третий месяц работы в убыток Жанболсын Галиевич ворвался одной летней ночью в магазин, отключил сигнализацию и в остервенении сорвал все плакаты и лозунги. Остаток ночи он провел за кассой, поедая полезный обезжиренный шоколад.

А ранним утром он обзвонил всех поставщиков и сделал большой заказ.

Прошел год. Магазин стал прибыльным. Его полки ломятся от разнообразных полуфабрикатов, лапши быстрого приготовления, видов алкоголя и сигарет. На одной маленькой полочке ютятся остатки первого ассортимента – баночки с биодобавками, как напоминание о благородной первоначальной цели.

А Жанболсын Галиевич теперь, закурив ароматную сигаретку, любит рассказывать эту историю с такой моралью, что продавать надо то, то покупается, а не то, что людям нужно на самом деле. Обычно он это делает, одолев грамм пятьсот.

Нарви мне цветов

Мы идём по бульвару. Майское солнце ласкает кожу, лёгкий тёплый ветерок гладит наши волосы. Мы держимся за руки.

– Нарви мне цветов! – просит жалобно.

Невольно оглянувшись, срываю с клумбы ромашки и васильки и протягиваю ей букет. Её лицо растягивается в улыбке, она с нескрываемым удовольствием нюхает цветы, и мы идём дальше.

– Давай покружимся? – предлагает, заглядывая мне в глаза.

Я беру её за руки, она бережно кладёт букет на асфальт, и мы начинаем кружиться. Прохожие с интересом смотрят на нас: кто-то с улыбкой, кто-то враждебно. Перед моими глазами её светящееся от радости лицо на фоне размазанного горизонта, домов и деревьев. Останавливаемся и идём дальше.

– Я устала! – капризничает.

Мы садимся на скамейку, прижавшись друг к другу. Она льнёт ко мне, словно выпрашивая ласку. В её глазах я вижу искорки лукавства. Нежно притягиваю её голову к своей и целую в губы. Она прикрывает глаза и отвечает на поцелуй.

Я думаю, что любовь – великое чувство. Нам хорошо вместе. Мы весь день были на работе, каждый на своей, и мечтали об этом моменте, ежесекундно думали друг о друге.

Любовь – это когда на других девушек не встаёт. А на любимую – встает. Но и это не главное. Как же хорошо просто быть рядом с ней!

* * *

Мы идём по бульвару, солнце палит мою кожу, ветер треплет мои волосы. Мы держимся за руки.

– Нарви мне цветов! – требую я.

Озираясь, как вор, он срывает с клумбы какие-то цветы и протягивает мне. Я натянуто улыбаюсь, для проформы нюхаю цветы, и мы идём дальше.

– Давай покружимся! – требую я.

Он неуклюже хватает меня за руки, я бросаю букет на грязный асфальт, и мы начинаем кружиться. Прохожие с интересом смотрят на нас: кто-то с улыбкой, кто-то враждебно. Перед моими глазами его хмурое лицо на фоне размазанного горизонта, домов и деревьев. Останавливаемся и идём дальше.

– Я устала! – говорю я.

Мы садимся на скамейку, прижавшись друг к другу. Он грубо притягивает меня к себе. В его глазах я вижу нетерпение и похоть. Как изголодавшийся зверь, он впивается в мои губы. Я устало закрываю глаза: будь что будет.

Я думаю, зачем же я встречаюсь с ним? Я не люблю его, а ему от меня нужно только одно. Весь рабочий день я с ужасом ждала этой минуты. Он мне противен, этот богатый очкастый великовозрастный дядя с жёлтыми зубами и большим пузом.

Любовь – это развлечение для обеспеченных. Так говорит моя мама. И если я хочу выбраться из нищеты, мне остаётся только набраться терпения, улыбаться ему, стать его женой. А потом… Потом будет проще.

2004

Помнить, но забыть

Знаете ли вы, что с момента рождения в мозгу человека уже существуют 14 миллиардов клеток, и число это до самой смерти не увеличивается. Напротив, после 25 лет оно сокращается на 100 тысяч ежедневно. За минуту, потраченную вами на чтение страницы, умирают около 70 клеток. После 40 лет деградация мозга резко ускоряется, а после 50 – нейроны (нервные клетки) усыхают, и объём мозга сокращается?

– Помнишь, как борщ варить? – озабоченно спрашивает жена, поглядывая на часы. – Ты же знаешь, Ярик любит борщ.

– Конечно, помню! А ты знаешь, что в капусте много белка, которому не хватает лишь нескольких аминокислот, чтобы стать равноценным животным белкам? А витамина С там почти столько же, сколько в лимоне! А…

– Да-да, конечно. Не забудь взять сменную обувь Ярику в садик. Тридцать первого не забудь встретить: рейс S739. А завтра вечером подъедут ставить окна, помнишь? Будь дома!

– Помню… Только знаешь, не лежит у меня душа к пластиковым окнам. Ты же знаешь, они плохо проводят воздух и создают своего рода парниковый эффект…

– Милый, мы закрыли эту тему! Всё, я опаздываю уже. Счастливо!

– Счастливого… – начинаю я, но Светка целует меня и убегает.

Садится в такси и мчится в аэропорт.

* * *

Вечером после работы забираю Ярика из садика, везу его к матери. Сам звоню Генке, лучшему другу.

– Да! – Генка уже навеселе. На заднем плане – какой-то шум и веселые голоса.

– Ген, здорово! Что делаешь, какие планы?

– Э-э-э… Вообще-то у меня день рождения сегодня. Празднуем вот, в «Третьем тайме» сидим. Подъезжай.

Что за хрень! Как я мог забыть! Чёрт…

– Да ну! Блин, аська что-то ничего не сообщила… – оправдываюсь я. – Извини, друг, поздравляю с днюхой! Счастья, здоро…

– Андрюха, хорош! – перебивает Генка. – Приедешь – поздравишь. Давай: ноги в руки – и бегом. На подарки не отвлекайся, не суть важно.

– Понял. Еду.

– Ага, давай. А в аське я не зареген, брат. Всё, жду.

По дороге вижу «Как убивали „Спартак“», беру Гене в подарок и спускаюсь в метро.

* * *

– А вот и Андрюха! – оживляются за столом. – Давай штрафную!

Наливают водки. Генка выходит из-за стола, обнимает. Меня усаживают, но под крики: «Андрюха, тост!» – встаю снова.

Поднимаю рюмку:

– Гена, дружище! Сегодня тебе исполнилось… исполнилось… – не могу вспомнить, сколько же Генке. Он на полгода младше, а мне 23, но я родился зимой, а он летом, а сейчас лето, значит…

«Двадцать три», – подсказывает кто-то.

Красный от смущения, подтверждаю:

– Сегодня тебе исполнилось 23 года! А это значит…

Кое-как – под дружеские подколы – заканчиваю тост.

Протягиваю книгу:

– А это тебе как болельщику «Спартака» – в подарок.

– Спасибо, брат! Всегда мечтал почитать, как же и кто же всё-таки довел мясных до такого, – смеётся Генка. – ЦСКА всегда будет первым!

* * *

На следующий день по дороге из садика я пообещал Ярику сварить настоящий украинский борщ.

Борщ у меня ни черта не получился. Вроде всё делал правильно: закинул мясо, капусту, картошку, поставил вариться. Нашинковал помидоры, зелень. Растопил сало. Всё свалил в кастрюлю, посолил и стал ждать.

Мясо что-то никак не хотело вариться.

– Пап, когда сварится? – канючил Ярик.

– Скоро, сынок. Посмотри пока телевизор.

– Я хочу кушать!

Через пару часов, когда Ярик наотрез отказался есть настоящий украинский борщ, я повел его в «Ростикс».

* * *

– Квартира Ворониных?

– Да, я слушаю.

– Я – это кто?

– Я, Андрюша Воронин.

– Слушай меня, Андрюша Воронин. Если тебя и сегодня не будет дома, когда приедут монтажники с окнами, окна будешь сам забирать и сам ставить. Понял?

– Выбирайте тон…

– Благодарю за понимание. Спасибо, что выбрали нашу компанию!

* * *

– Там ещё Чернятински играл за них, помните? Когда Онопко удалили? Как сейчас помню, девяносто третий год, Кубок Кубков, первый матч мы выиграли, на выезде ведем 1–0! Радченко на 10-й минуте! А потом судья, мудак португальский с говорящей фамилией Жорже Короаду, украл у нас победу! При счете 1–2, который нас вполне устраивал, удалил ни за что Онопко! И назначил пенальти!

– Андрюх, как ты всё запоминаешь? – удивляется Михалыч. – Я тоже смотрел этот матч, но даже счёта не помнил.

– Я тако-ой, – гордо тяну я.

* * *

– Папа, а когда мама приедет?

Я вскакиваю с кресла перед телевизором (исторические хроники с Николаем Сванидзе, год 1931, академик Капица) и тут раздается звук открываемой двери. В квартиру входит Светка.

– Привет, Свет! Приехала? А я это… Запамятовал…

– Даже встретить не мог, – Света уклоняется от поцелуя. – Что ты за человек такой? А это что такое?!

Я вижу, что она превращается в фурию. Я вижу, что ей не хватает воздуха, чтобы выразить негодование. Я вижу, что она смотрит на окна. Я понимаю, что случилось что-то страшное.

– Ну, ты и урод, Воронин.

* * *

На фиг ненужные «интересные факты», на фиг спортивную статистику, на фиг имена героев сериалов и ведущих телепрограмм. На фиг реки Чувашии и канадские озера. На фиг день рождения Вольфганга Амадея Моцарта, впрочем, и Вольфганга Амадея тоже на фиг.

На фиг Эдсона Арантиса ду Насименту, да здравствует просто Пеле. На фиг суточную норму витамина С для лиц, занятых лёгким трудом или трудом средней тяжести объёмом 1,4 мг.

На фиг К2, вторую вершину мира, мне достаточно Эвереста. Джомолунгму тоже на фиг.

Бенедикта Шестнадцатого тоже на фиг, Папа Римский – он всё равно всегда только один.

На фиг Стрельцов (с 23 ноября по 21 декабря).

На фиг.

Самое главное – помнить, но ещё важнее – забыть. Мне не нужно помнить то, что мне никогда не пригодится в жизни.

Научное название пупка – умбиликус. Стёрто.

День рождения Генки – 23 июля 1985 года. Запомнено.

Общий вес бактерий, живущих в организме человека, составляет 2 килограмма. Стёрто.

22 февраля 2002 года мы познакомились со Светой. Запомнено.

Обычная беременность у зайцев длится 50 дней. Стёрто.

Ярослав начал ходить в 10 месяцев. Запомнено.

Самая толстая кошка в мире весит 21 кг. Стёрто.

Первое слово Ярослава – «Дай». Запомнено.

Гус Хиддинк родился в Варссевельде. Стёрто.

Я люблю жену и сына. Запомнено. Изменению не подлежит.

2008

Счастья – всем!

Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!

Аркадий и Борис Стругацкие. Пикник на обочине

– Кем хочешь стать?

– Президентом!

– Ого! А что бы ты сделал, стань президентом?

– Я бы сделал всех жителей страны счастливыми!

– А как это – счастливыми?

– Богатыми! Чтобы у всех было много-много денег! И чтобы никто никого не обижал! И никто не болел чтобы!

– Всем-всем? И плохим людям тоже?

– Э-э-э… Нет, только хорошим!

– А вот идёт девушка красивая. Она хорошая?

– Конечно, хорошая! Она же красивая!

– А я вот слышал, что она курит, водку пьёт, маму свою не любит, кричит на неё… Всё равно хорошая?

– …Тогда, наверное, нет, нехорошая. Курить и пить водку – это плохо, – произносит, подумав.

– А на маму кричать?

– Я не специально! – расстраивается, прячет глаза.

– Да не о тебе речь.

– Тогда – плохо. Маму обижать нельзя.

– Значит, девушка – плохая? И счастливой ты её делать не будешь?

– Нет, не буду. Только хороших людей.

– А как ты узнаешь: кто хороший, а кто плохой?

– Мне мои помощники расскажут про каждого-каждого! Кто хороший, а кто плохой. Плохих я посажу в тюрьму, чтобы они не мешали хорошим. А хорошим раздам по миллиону долларов! И по два телевизора, компьютеры раздам, машины крутые.

– А вдруг помощники ошибутся, и ты посадишь в тюрьму хорошего человека, а плохой останется на свободе?

– А я прикажу везде поставить видеокамеры! Чтобы знать, кто плохой, а кто хороший!

– А вдруг некоторые дома плохие: водку пьют, например. А на улице хорошие: на улице водку не пьют. Как ты узнаешь, что они плохие?

– Так у них дома тоже будут камеры!

– И в туалете?

– Не-е-е-т, – смеётся. – В туалете нельзя.

– Так кто-то тогда только в туалете и будет водку пить, курить, ругаться… А ты и не знаешь!

– А себе можно не ставить?

– Конечно, ты же президент: как прикажешь, так и будет!

– А, тогда и в туалете надо! – глаза загораются. – Везде-везде камеры, даже в душе!

– Со звуком?

– Зачем?

– А вдруг они будут ругать тебя, а как ты услышишь? Ну, говорят там себе чего-то…

– Точно, про звук я и не подумал.

– Ну, хорошо. Злых и плохих ты посадил в тюрьму, хорошим раздал кучу денег. Люди начнут обижаться на тебя, говорить, что ты плохой президент!

– Как это?

– Так они на эти деньги ничего купить не смогут ведь!

– Почему это?

– Ну, смотри. Вот у тебя какая мечта? Чтобы ты хотел себе купить?

– Велосипед.

– Представь, что велосипед захотели все жители. А что? Денег – валом, можно не только велосипед купить, можно и трактор!..

– Так это же хорошо! Пусть каждый купит себе, что хочет.

– Не перебивай! Так вот, у каждого много денег, и каждый хочет себе велосипед. Тут все кидаются в магазины – за великами. Все пятьдесят миллионов человек, или сколько там у тебя останется на свободе. А в магазинах только десять тысяч великов. Всем хватит?

– А пятьдесят миллионов – это сколько?

– Это пять тысяч раз по десять тысяч.

– Ни фига себе, – присвистывает. – Тогда точно не всем хватит.

– А кому хватит?

– Ну, только тем, кто первые придут.

– Или кто согласится заплатить в 10–20 раз больше, правильно?

– Это как?

– Допустим, твой велик стоит двести долларов. Ты его хочешь продать. К тебе приходит десять человек, и все хотят твой велик купить. Кому ты продашь?

– Ну, кто первый пришёл, тому и продам.

– Так они вместе пришли. И дядя Серёжа предлагает тебе не двести долларов, а тысячу! Кому продашь велик?

– Конечно, дяде Серёже!

– А баба Нина говорит, что купит твой велик за пять тысяч долларов!

– Бабе Нине! Пять тысяч! Ого!

– И в итоге ты продаёшь свой велосипед китайского производства за десять тысяч долларов Мишке. Мишка счастлив?

– Конечно!

– А дядя Серёжа с бабой Ниной?

– Ммм… Ну, они грустные будут.

– Да, грустные и будут обижаться.

– Ну, ничего! Я же президент! Я прикажу сделать пятьдесят миллионов велосипедов!

– А кто их будет делать?

– Как кто? Рабочие на заводах!

– А зачем им работать? У них же денег много, машины, телевизоры ты им раздал. Они лучше на компьютере поиграют, правильно?

Задумывается.

– …А если не раздавать им так много денег? Пусть лучше работают, велосипеды делают.

– Пусть работают. Но работать им будет грустно. Уж точно не так весело, как играть на компьютере.

– А я им прикажу всем веселиться! И чтобы все улыбались! А кто не будет радоваться, мои помощники увидят по видеокамерам, я прикажу их посадить в тюрьму! А кто не будет выполнять мои приказы, тоже в тюрьму! А камеры будут везде, чтобы никто не спрятался! А потом мои учёные изобретут машинку, чтобы мысли читать, и каждому в голову мы вживим чип, чтобы он не мог скрыть своих злых мыслей про меня! А если будут такие мысли – в тюрьму! И останутся только добрые, весёлые и счастливые люди, которые меня любят! И им я и раздам деньги! А чтобы они всё равно работали, прикажу солдатам следить за ними! А кто не будет работать…

2011

Треугольник

Треугольник был моим одноклассником. Кто и когда его так прозвал – за давностью лет я не помню. По мере познавания новых геометрических фигур наш класс совершенствовал его прозвища. Так, после Треугольника, Кеша побывал сначала Параллелепипедом, а потом Параллелограммом. Какое-то особое чувство удовлетворения мы испытывали, называя Треугольника новым в своём лексиконе словом, причём длина этих прозвищ никого не смущала. Все упорно и старательно выговаривали каждый слог и каждую букву. Но вскоре это всем надоело, и Кеша вновь стал Треугольником.

Треугольник на это не обижался, он даже гордился тем, что у него такие замечательные прозвища. Или делал вид, что гордился?

Семья у Кеши была нормальная, но совсем не богатая. Папа – учитель музыки и мама – учитель музыки. Плюс малолетняя сестрёнка Дашка, тогда под столом тусовавшаяся.

В то советское время мы особо не обращали внимания на то, как кто одевается. У всех стандартная форма, все ходят, как клоны, в пионерских галстуках. Но в зимнее время начинались отличия: у кого свитерок югославский или шарф индийский мохеровый – это, понятное дело, дети мажоров. В старших классах многие начали щеголять в дутых китайских пуховиках. Но в массе – обычный прикид советского школьника. Школа у нас была обычная, без понтов.

Однако все девять классов Треугольник одевался хуже всех. Плюс ко всему фигура его была довольно нелепа. Треугольник был высоким, тощим и очень сутулым, с вечно взъерошенными волосами. В старших классах впечатление дополнил невероятных размеров кадык размером с кулак.

Учился Треугольник неважно, и лишь на уроках пения он преображался: голоса у него не было, но слух был отменный. Ни для кого не стало сюрпризом поступление Кеши в музыкальную школу.

Издевались над ним страшно. Классов пять подряд он носил зимой одну и ту же ушанку рыжей леопардовой расцветки, за что одно время успешно звался нами Леопольд. Почему Леопольд, а не Леопард, хрен его знает. Скорее всего, все были под впечатлением от мультфильма про кота Леопольда. Треугольник и был таким Леопольдом: ни с кем не ссорился, призывал всех дружить и вечно получал по шее. Дети-подростки – жестокий народ.

Одним из наших развлечений было выкрасть из Кешиного ранца времён Первой мировой его леопардовую ушанку и играть в «пятнашки», которые мы называли «сифа». Кеша никогда не плакал, по крайней мере, этого никто не видел. Он бегал от одного к другому и говорил: «Йебята! Отдайте шапку!». Мы перекидывали ушанку через Треугольника, и всё начиналось сначала. С каким-то исступлением Кеша продолжал гоняться между партами за своей ушанкой, падал, вставал и снова бегал, бегал с прокушенными до крови губами. Нелепый такой, нескладный. Нас всё это смешило.

На уроках по всяким точным наукам Треугольник реально тупил, а потому был ненавидим учителями. Наша классная, однажды доведенная тупостью Кеши до состояния берсеркера, жестоко избила Треугольника указкой по голове, да так, что указка поломалась. Треугольник воспринял это как должное наказание за свою тупость. И вроде бы даже родителям ничего не рассказал. По крайней мере, для классной её срыв прошел безнаказанно. Вся фигня была в том, что Треугольник на самом деле сидел за уроками часов по шесть в день, с

маниакальным упорством решал задачи, но, как правило, неверно.

Однажды Треугольник нашёл на улице облезлого щенка со слипшейся шерстью. Щенок был незамедлительно отнесён домой и спрятан в коробке под кроватью. Наивный Кеша хранил свою тайну ровно два дня, пока на запах говна не сбежалась вся семья. Тайна раскрылась. Коробка была извлечена на свет. Щенка обнаружили. А тот, оглядев осоловелыми глазами окружающих, принялся усердно себя вылизывать. Треугольник занял твёрдую позицию: «Или щенок остаётся, или я пейестаю ходить в музыкальную школу». Щенка оставили и назвали Йосей.

Копна волос у Кеши была великолепная. В её зарослях какой-нибудь некрупный воробей заблудился бы и сдох с голоду. Как-то на перемене Треугольник, активно почёсывая голову, сообщил окружающим, что «кажется, у Йоськи вши завелись». А потом, обиженно хлопая глазами, долго не мог понять, чего все так ржут. Когда вошедшей классной объяснили причину массового веселья, она крикнула: «Да что такое, опять этот Маркин! Еще педикулёза мне не хватало!». За воротник вывела Треугольника к доске, прочитала лекцию о гигиене и подчистую отрезала ножницами Кешины волосы.

Маркин – это фамилия у Кеши такая.

* * *

В шестом классе Треугольника назначили мне в подшефные. Была такая традиция в те времена – звенья. У нас было спортивное звено, трудовое, тимуровское и ещё что-то, уже не помню. Каждую четверть звеньевые отчитывались перед классной за поведение своего звена и успеваемость. Чтобы не получить по башке от классной, звеньевые назначали неуспевающим шефов: то есть отстающего по какому-либо предмету ученика должен был подтянуть отличник. Математика мне давалась легко, и потому Треугольник достался мне. Тогда-то я и узнал Треугольника лучше.

Жили они по-спартански. Зато в зале стоял роскошный рояль, на котором Кеша с гордостью мне что-то играл. Классикой я тогда не увлекался, а потому стоял себе со скучным видом, ничуть не восхищённый умением Кеши перебирать клавиши. Кеша огорчённо прекращал играть и предлагал порисовать.

Иногда мы рисовали, иногда лепили из пластилина всяких зверей. Потом между зверями происходил жестокий бой, во время которого они теряли конечности, их грудные клетки безжалостно сминались, а головы расплющивались. Пуская от восторга слюни, Кеша провожал меня до двери, говорил: «Классно мы поигйались!» – и прощался.

Как-то я рассказал пацанам, что Треугольнику мама разрешает к себе друзей приводить. Тут же в друзья к Треугольнику записалось ещё человек пять. Польщённый Треугольник без вопросов согласился на «поиграть у него дома сегодня».

Все пришли со своим пластилином. Пластилин был жесткий: чтобы что-то вылепить, его требовалось хорошо размять руками. Кому-то пришла идея греть пластилин на батарее отопления. Идея имела успех. Потом я забыл свой кусок пластилина на батарее, а когда опомнился – было уже поздно. Кроваво-красными струями пластилин растекся по всей высоте батареи. «Здорово!», – сказал кто-то восхищённо. Треугольник, возбуждённый вниманием к себе, заорал: «Йебята! А давайте все батайеи покйасим!». Все сразу похватали весь пластилин и разложили на каждой батарее в квартире. Через полчаса все радиаторы Кешиной квартиры пестрили всеми цветами радуги.

Была осень, темнело рано, но возвращаться домой никому не хотелось. Мы опустошили Кешин холодильник и выпили литров десять чаю с печеньками. Треугольник как радушный хозяин разрешал нам всё. Мы выкинули с балкона все яйца – ведь они так прикольно взрывались. Йосю выкрасили гуашью так, что, увидев его сейчас, я бы решил, что у меня белая горячка. Потом всей толпою играли на рояле, грохоча кулаками по клавишам. Апофеозом стало пускание корабликов по полу затопленной ванной.

На следующий день Треугольник в школу не пришёл. Позже я узнал, что впервые в жизни его наказали. Ну, это ещё мягко сказано. Замордованные жизнью родители Треугольника пришли в отчаяние от того, что мы натворили. В состоянии аффекта они избили Кешу так, что он не мог ходить.

* * *

Последний раз я видел Треугольника год назад. Одет он был всё так же плохо, зато сигареты смолил по-чёрному. Увидев у меня в руке пиво, предложил его

угостить. Я угостил. Кеша залпом в пять крупных глотков залил в себя пиво и немного о себе рассказал. Он окончил музыкальное училище, стал баянистом. Одно время промышлял в кабаках игрой на рояле. Йоська до сих пор жив, правда, облез сильно.

Мы говорили минут десять, я очень спешил. Отмазавшись стандартным: «Ну, встретимся ещё, пивка попьём» – я удалился. Сейчас даже не помню, куда спешил. Зато навсегда запомнил то выражение всемирной скорби на лице Треугольника. Скорби, но не обиды. Треугольник никогда ни на кого не обижался.

А в сегодняшней местной газете прочёл новость. Новость с заголовком «Ценой своей жизни». Ценой своей жизни Кеша спас десятилетнюю девочку, потом кинулся за её старшим братом, но утонул сам – в октябре вода обманчива. В статье фотография улыбающегося Кеши. Я это фото сразу узнал: увеличенный портрет Иннокентия, вырезанный из групповой классной фотографии. Видимо, позже Кеша не фотографировался.

Если бы я мог вернуться в то школьное время! Но ничего не изменишь.

Кеша, Треугольник, Параллелепипед, Параллелограмм… Иннокентий Матвеевич Маркин, прости.

2004

Хоббит

В лесу близ деревни Ореховки завелись хоббиты. Хоббитов в полуросликах опознал Гринька, сын кузнеца Степана, на лето ездивший в город. В городе Гринька посмотрел американский художественный фильм о хоббитах и теперь являлся признанным авторитетом в этом немаловажном вопросе.

Людей хоббиты боялись и прятались в норки, где и проживали. Ростом хоббиты были с полметра. Поначалу принимали их за леших, но когда тракторист Ванька

Остолопов узрел пару хоббитов, сидевших на пригорке и куривших трубки, сомнений в том, что не лешие это, а хоббиты, ни у кого не осталось.

Окончательно вопрос разрешился, когда в капкан Сидора попался один из полуросликов. Сидор рассказывал, что у капкана суетились ещё с десяток хоббитов, но все дали стрекача, когда заметили его. В деревню Сидор принес скулившего хоббита, предварительно перевязав его волосатые ноги и засунув в мешок.

Посмотреть на чудо собралась вся округа. Гринька придирчиво осмотрел пойманного хоббита и авторитетно заявил:

– Хоббит! Он и есть. У тех, что в кино, правда, глаза были пошире, и ростом они были повыше.

– В кино, – презрительно сплюнул Сидор. – В кино тебе что хочешь покажут!

– Ещё они разговаривать умеют, – вспомнил Гринька.

Жители плотнее обступили хоббита и стали по-всякому пытаться разговорить его. Хоббит на все их вопросы отвечал писком и пытался вжаться в землю. Никакой одежды на нём не было, но лицо действительно было человечьим. Глаза жалостливо смотрели на людей, требуя пощады.

– Ещё они кольца носят! Золотые! – снова вспомнил Гринька.

Произвели тщательный досмотр. Колец, ожерелий, браслетов и прочих изделий ювелирной промышленности у хоббита не нашли. Старик Прокофьич даже не побрезговал заглянуть хоббиту промеж ягодиц, но и там колец не было.

Испуганный хоббит пукнул. Все засмеялись и решили больше «животинку» не мучить.

– Телевидение надо вызывать! Это же сенсация! – воскликнул Сидор. – Может, медаль мне дадут за важное научное открытие!

Все кивками и поощрительными возгласами дали понять, что целиком и полностью Сидора поддерживают. Каждый был горд за свою деревню и втайне надеялся, что его покажут по телевизору. Телефона в деревне не было, а потому вызывать учёных в город направился Гринька.

На ночь хоббита Сидор взял домой.

* * *

Утром Сидор не узнал свой дом. Кругом царили чистота и порядок. Посуда блестела, стёкла в окнах стали невидимы, настолько чисты. Вся одежда выстирана, выглажена и аккуратными стопочками сложена по полкам. Половички выбиты, скатерть, которую Сидор давно собирался сменить, избавилась от всех пятен и манила поскорее сесть за стол.

Вот только хоббита нигде не было.

Зато на столе, на белой скатерти Сидор нашел ранее не примеченную бумажку. Корявым почерком на ней было написано: «Уважаемый Сидор Михайлыч! Я – не хоббит, а домовой. У нас слёт домовых близ вашей деревни. Спасибо за гостеприимство, но мне пора домой в Москву. С глубочайшим уважением, домовой Кузьма».

2004

Моя любовь и страсть Татьяна

Не нравятся, даже бесят меня истории, написанные с целью поучить чему-либо. «Не надо так делать», – словно говорит нам автор подобной истории. Или, что чуть лучше, но почти такое же говно – «Надо делать так!». В моей, несомненно, увлекательной истории вы такого не увидите. Зачем мне вас учить чему-то? Самому бы научиться. К примеру…

Тут я хотел написать «автор этих строк», но вспомнил, что мне такое тоже не нравится. Что значит «автор этих строк»? Так и возникают в голове нехорошие ассоциации. Складывается ощущение, что «автор этих строк» сидит где-то на диване и диктует, а кто-то другой пишет за него эти строки. Типа, я – не я, и хата – не моя. Прошу прощения за столь избитое народное выражение. Вообще, писать и говорить о себе в третьем лице крайне странно…

Или, бывает, автор пишет неожиданную концовку. Зачем? Кого он хочет удивить этим? Если ты рассказываешь историю, будь добр, заканчивай её так, как и должно из нити повествования.

Нить повествования… Хм.

Что-то я отвлекся. Так вот, было мне тогда лет четырнадцать, и училась с нами в классе девушка неземной красоты по имени Татьяна.

Постойте, что значит «лет четырнадцать»? Я же точно помню, Танюха училась с нами только год, а значит было мне тогда точно четырнадцать до февраля, а потом исполнилось пятнадцать.

Так вот, было мне тогда сначала четырнадцать лет, а потом пятнадцать. И училась с нами в классе девушка неземной красоты по имени Татьяна…

Интересно, а как это – «неземной красоты»? Инопланетной? Небесной? Космической?

Да и красота, опять же, понятие относительное. Посмотрите на портреты писаных красавиц позапрошлого века – боюсь сегодня их всех поголовно…

Черт! Писаных! Звучит двусмысленно.

Впрочем, я, кажется, отвлёкся.

Если не мудрствовать лукаво и не растекаться мыслью по древу, то я влюбился в Татьяну. Я испытывал к ней чувства. Я воспылал всей своей четырнадцатьюлетней, а потом и пятнадцатилетнею страстью юного девственника. Мне хотелось быть с ней, касаться ее, вдыхать ее запах и носить

её сумку с учебниками.

Татьяна была ко мне равнодушна.

Прошло много лет.

Я вышел на пенсию, и у меня появилось много свободного времени.

Хороший день

Ранним утром Валере захотелось по нужде. Он терпел, так как вставать было лень, и даже пытался продолжить сон, но вскоре стало так невтерпеж, что он встал и помчался в туалет. Одной рукой держа достоинство, другой написал сообщение в «Фейсбук» и «Твиттер»: «Всем доброе утро и хорошего рабочего дня!». Стряхнул, заправился, смыл и пошел досыпать.

К обеду Валера окончательно устал спать. Сев на кровать, он закурил. Затянулся. Открыл френд-ленту и увидел более сотни ответов на утреннее приветствие. «Бешеный рабочий день, зашиваюсь!», – написал он, ожидая, когда загрузится компьютер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/daniyar-sugralinov/rasskazy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити